

ЕЛЕНА ТРОЯНСКАЯ, АХИЛЛЕС И ПАТРОКЛ

ПЛОРОЧНАЯ КРАСОТА

«СТРАСТНЫЙ,
СЛАДКИЙ
И НАСЫЩЕННЫЙ
СОБЫТИЯМИ».

— Ханна Уиттон,
автор *New York Times*
и *USA Today* bestsellers

КЭТИ РОБЕРТ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES И USA TODAY

Кэти Роберт
Порочная красота
Серия «Темный Олимп», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70063198

Порочная красота: роман / Кэти Роберт; пер. с англ. В. Мчедловой:

АСТ; Москва; 2024

ISBN 978-5-17-148990-8

Аннотация

В Олимпе ты либо обладаешь властью, чтобы править другими, либо становишься пешкой. Ахиллес Каллис родился ни с чем, но еще ребенком поклялся себе, что пробьет дорогу в круг избранных города. А когда эта заветная мечта становится доступна любому, у кого хватит сил ее завоевать, Ахиллес и его партнер Патрокл Фотос собираются принять участие в состязании, удвоив свои шансы на победу.

Но они не ожидают, что печально известная красавица Елена Касиос станет частью награды победителя... Как и не ожидают, что между ними вспыхнет пламя, стоит Елене взглянуть на них.

Зевс, возможно, считает, что может распоряжаться судьбой сестры, но у нее свои планы. Она вступает в состязание, чтобы бросить вызов Тринадцати, которые вмешиваются в ее жизнь. К сожалению, некоторые предпочитают видеть ее мертвой, чем правящей городом. Единственные, кому она может доверять, —

это те, от кого ей невозможно отказаться: Ахиллес и Патрокл.
Но сможет ли она поверить в искренность их намерений, когда
каждый поцелуй превращается в сражение?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	36
Глава 4	51
Глава 5	67
Глава 6	77
Глава 7	93
Глава 8	108
Глава 9	120
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Кэти Роберт

Порочная красота

*Посвящается всем, кто предпочитает
счастливые концовки трагедиям*

Katee Robert

WICKED BEAUTY: Dark Olympus book 3

Печатается с разрешения

Taryn Fagerness Agency и Synopsis Literary Agency

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ

© 2022 by Katee Robert

© Лялина Ольга, карта

© В. Бендер, перевод на русский язык, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава 1

Елена

– Охренеть, как я опаздываю, – бормочу себе под нос.

К счастью, коридоры башни Додоны пусты, но от этого тиканье часов в моей голове звучит настойчивее. Сегодня тот вечер, когда все изменится. Вечер, когда я перестану быть пешкой в чужих играх и наконец обрету свободу, о которой мечтала с тех пор, как была маленькой девочкой.

Не могу поверить, что, черт побери, опаздываю.

Ускоряю шаг, едва удерживаясь от того, чтобы не перейти на бег. В Олимпе явиться на вечеринку запыхавшейся и взволнованной – это хуже, чем опоздать. Внешность имеет значение. Олимп много лет не переживал ничего даже отдаленно похожего на военные действия, но каждый день здесь происходят маленькие сражения, в которых победу одерживают с помощью самых обычных вещей.

Тщательно подобранного платья.

Ласкового слова, таящего яд.

Брака.

Я вхожу в лифт, который доставит меня на этаж, где находится банкетный зал, и едва сдерживаюсь, чтобы не начать нетерпеливо подпрыгивать. В любой другой день мне было бы на это наплевать. Я превращаю маленькие проявления бунта в искусство.

Но сегодня все иначе.

Сегодня мой брат Персей – теперь Зевс – сделает объявление, которое изменит многое.

Меньше недели назад скончался Арес. Его смерть не стала неожиданностью (мужик был древним, как мамонт, и уже три месяца стучался в двери преисподней), но предоставила многим возможность, которая появляется лишь раз в поколение. Из всех Тринадцати только на титул Ареса может претендовать любой желающий. Ни прошлое, ни связи, ни финансовое положение кандидата значения не имеют. Необя-

зательно даже быть гражданином Олимпа.

Нужно лишь победить.

Три испытания, чтобы отсеять слабых. Последний выстоявший становится Аресом. Одним из Тринадцати, которые представляют правящую верхушку Олимпа. Каждый из них выполняет свою работу, обеспечивая жизнь города, но важнее всего то, что никто не может принудить их делать что-то против воли.

Даже Зевс не может силой заставить кого-то из Тринадцати действовать вопреки желанию, во всяком случае, это предполагается. Мой отец никогда не обращал внимания на подобные тонкости, и сомневаюсь, что это станет делать брат, унаследовавший его титул. Но это не имеет значения. Если завоюю титул Ареса, то больше не буду дочерью одного Зевса и сестрой другого, избалованной принцессой, за красивым личиком и семейными связями которой не стоит ничего большего.

Получив титул Ареса, я стану свободной.

Двери лифта открываются, и я спешу в сторону банкетного зала. Длинный коридор изменился со времени последней вечеринки: строгие, темные шторы, свисавшие по бокам от дверей, заменил воздушный белый тюль с серебристой нитью. Вид остался таким же неприветливым, но стал менее угнетающим.

Любопытно, кто выбрал такой дизайн, это точно сделал не Персей. С тех пор, как старший брат принял титул Зевса по-

сле смерти нашего отца, он озабочен лишь тем, чтобы вести бизнес и держать Олимп в ежовых рукавицах.

По крайней мере, пытаться.

– Елена.

Я резко останавливаюсь, но, узнав голос, с облегчением улыбаюсь.

– Эрос. Почему ты крадешься в темноте?

Он выходит вперед и показывает маленькую, украшенную драгоценными камнями сумку.

– Психея забыла сумочку.

Он должен бы выглядеть нелепо с этой сумочкой в руках, особенно учитывая, сколько насилия эти руки совершили, но Эрос всегда держит себя так, будто неуязвим. Никто не посмеет сказать ему ни слова, и он об этом знает.

– Какой ты хороший муж. – Я подхожу к нему и небрежно целую в обе щеки. За последние месяцы мы редко виделись, но выглядит он хорошо. Эрос – один из самых красивых людей в Олимпе (а это о многом говорит): парень с вьющимися светлыми волосами и лицом, способным заставить художников рыдать от его совершенства. – Брак тебе к лицу.

– С каждым днем все больше. – Его взгляд становится сосредоточенным. – Ты превзошла саму себя.

– Тебе нравится платье? – Я провожу рукой по ткани. На мне сшитое на заказ золотистое платье, которое облегает тело от плеч до бедер, а затем слегка расширяется. На ткани плотный, едва различимый рисунок, улавливающий свет при

каждом моем движении. Глубокий треугольный вырез спускается между грудей, а плечи скроены в форме острых наконечников, которые напоминают о военной собранности. – Коронный номер, как сказала бы моя мама.

Я не обращаю внимания на боль в груди, возникшую от этой мысли, как делаю всякий раз, когда ко мне приходят воспоминания о женщине, которая умерла слишком молодой. Ее не стало пятнадцать лет назад, когда она загадочным образом упала с большой высоты. Мне тогда было всего пятнадцать. Загадочно. Ага. Будто весь Олимп не подозревал, что за этим стоял мой отец.

Будто я сама не знала этого.

Прогонять подобные мысли для меня привычное дело. Не имеет значения, какие грехи совершил мой отец. Он мертв, как и моя мать. Надеюсь, он страдает в недрах Тартара с тех пор, как испустил последний вздох. Думая о его смерти, испытываю облегчение. Он умер, не успев выдать меня замуж, чтобы создать какой-нибудь бредовый союз и причинить еще больше боли, которую ему, похоже, очень нравилось причинять.

Нет, я совсем не скучаю по отцу.

– Она бы гордилась тобой.

– Возможно. – Поглядываю на двери. – А может, пришла бы в ярость от того, что я собираюсь сделать. – Раскачать лодку? Черт, да я вот-вот ее переверну.

Эрос смотрит на меня с невозмутимым видом. Только

слегка приподнимает брови и качает головой.

– Значит, решила побороться за титул Ареса. Мне стоило догадаться. В последнее время ты пропустила много вечеринок. Тренировалась?

– Да.

Я ожидаю, что он отнесется к этому скептически. Возможно, мы друзья, но только по меркам Олимпа. Я верю, что Эрос не вонзит нож мне в ребра. Он верит, что я не устрою ему неприятностей, пустив какую-нибудь сплетню. Мы встречаемся на мероприятиях и вечеринках и время от времени оказываем друг другу услуги. Но я не доверю ему свои сокровенные тайны. Ничего личного. Эту часть себя не доверю никому.

Хотя в скором времени все в Олимпе узнают о моих планах.

Я расправляю плечи.

– Я буду участвовать в состязании за титул Ареса.

– Черт. – Он тихо присвистывает. – Тебе предстоит потрудиться.

Он не говорит, что думает, будто я не справлюсь, но все же немного расстраиваюсь. Не ждала активной поддержки, но то, что меня недооценивают, никогда не перестанет ранить.

– Да, что ж, мне лучше поторопиться.

– Погоди. – Он осматривает меня. – У тебя прическа слегка съехала набок.

– Что?! – Я поднимаю руку, чтобы потрогать волосы. Без

зеркала ничего не смогу исправить. Черт, опоздаю еще больше, но лучше так, чем войти в зал растрепанной.

Я поворачиваюсь к лифтам, в стороне которых расположены уборные, но Эрос хватает меня за плечо.

– Я разберусь. – Он открывает сумку Психеи, роется в ней пару секунд и достает оттуда меньшую сумочку. В ней лежит пачка невидимок для волос. Эрос издает смешок при виде изумления, отразившегося на моем лице. – Не стоит так удивляться. Если бы у тебя была с собой сумочка, невидимки в ней тоже нашлись бы. А теперь замри и дай мне поправить всю эту хренотень.

Я стою неподвижно, потрясенная, а он приводит в порядок мою прическу, фиксируя волосы невидимками. Затем отстраняется и кивает.

– Так лучше.

– Эрос. – Я осторожно касаюсь волос. – С каких пор ты делаешь прически?

Он пожимает плечами.

– Могу устранить лишь небольшие проблемы, но так я здорово выручаю Психею, когда мы выходим в свет.

Боги, он так влюблен, что становится тошно. Рада за него. Правда рада. Но ничего не могу поделать с завистью, которая меня пронзает. Дело не в Эросе (он мне почти как брат), а в близости и доверии между ним и его женой. Единственный раз, когда подумала, что могу обрести нечто подобное, закончился печально, и я до сих пор не избавилась от той боли.

Но мне удается выдать улыбку.

– Спасибо.

– Покажи им, Елена. – Он хитро ухмыляется. – Я буду болеть за тебя.

Делаю медленный вдох и поворачиваюсь к двери. Раз уж и так опаздываю, почему не устроить эффектное появление? Выпрямляю спину и толкаю двери с большей силой, чем необходимо. Когда вхожу в зал, люди расступаются. Я останавливаюсь, позволяя им рассмотреть меня, и в то же время разглядываю их.

Зал изменился с тех пор, как Персей унаследовал титул Зевса. С точки зрения функциональности пространство осталось прежним. Блестящие полы из белого мрамора, сводчатый потолок, создающий впечатление, будто зал больше, чем есть на самом деле, а еще огромные окна и стеклянные двери, выходящие на балкон. Но, по ощущениям, зал кажется другим. Стены, раньше кремового цвета, теперь выкрашены в прохладный серый. Изменение не такое заметное, но имеет значение.

В портретах больше натуральной величины поменяли рамы. Толстые золотые обрамления, которые так нравились моему отцу, сменили на искусно сделанные черные рамы. Они выглядят так, будто изготовлены по индивидуальному заказу для каждого из Тринадцати, хотя придется подойти ближе, чтобы в этом убедиться.

Эти изменения тоже внес не Персей. В этом я уверена.

Возможно, наш отец был одержим собственным имиджем, но моему брату на это плевать. Даже когда следовало бы этим озаботиться.

Иду сквозь толпу, высоко подняв голову.

Я знаю всех, кто посещает вечеринки в башне Додоны. Информация – это все, и я с ранних лет усвоила, что это к тому же единственное доступное мне оружие. Некоторые из присутствующих ловят мой взгляд, другие смотрят так, что мурашки бегут по коже, а кто-то едва ли не поворачивается ко мне спиной. Не удивительно. Возможно, принадлежность к роду Касиос имеет в Олимпе свои преимущества, но в то же время это означает, что я родилась в мире наследственной вражды и политических интриг. Я с детства узнала, кому можно доверять (никому) и кто при первой же возможности толкнул бы меня под колеса машины (что не утешительно, очень многие).

Но это не обычная вечеринка, и сегодня не обычный вечер. Почти половина присутствующих мне незнакомы – эти люди прибыли с окраин Олимпа или были доставлены в город Посейдоном ради этого особого случая. Я не останавливаюсь, чтобы запомнить их лица. Не все из собравшихся будут участвовать в соревновании, большинство из них просто пришли посмотреть. Дармоеды. Они не имеют никакого значения.

Не ускоряя шага, иду вперед, вынуждая людей уходить с моей дороги. Толпа расступается, как я того и ожидала, пе-

решептываясь. Я люблю устраивать сцены, и хотя половина собравшихся любит меня за это, остальные презирают.

Сегодня вечером каждый превзошел самого себя. В одном углу моя сестра Эрис (уже три месяца как Афродита) смеется над чем-то вместе с Гермес и Дионисом. У меня щемит в груди. Больше всего мне сейчас хотелось бы быть с ними, как и на любой другой вечеринке. Благодаря сестре и друзьям жизнь в Олимпе становится сносной, но последние несколько месяцев раскрыли разногласия между нами. Они были не так заметны, пока Эрис все еще была Эрис, но теперь, когда она стала одной из Тринадцати...

Я остаюсь не у дел. Быть сестрой Зевса и Афродиты, подругой Гермес и Диониса? Это ни черта не значит. Я пешка, которую можно перемещать на доске.

Заполучить титул Ареса – единственная возможность это изменить.

Я замечаю семейство Димитриу в дальнем углу зала: Деметру с тремя из своих четырех дочерей в компании Аида, мужа Персефоны. Как и все остальные, они одеты безупречно. А присутствие Аида и Персефоны только подчеркивает важность грядущего события. Все Тринадцать собрались сегодня, чтобы стать свидетелями торжественного объявления турнира, который определит нового Ареса. Эрос встает рядом со своей женой, и от того, как озаряется ее лицо при виде него... Я отворачиваюсь.

Трон – вот куда я направляюсь.

Вернее, два трона.

Там меня ждет еще пара изменений, вызванных сменой нашего лидера. Исчезло безвкусное золотое страшилище, которое любил наш отец, а на его месте появилось привлекательное, но холодное стальное изваяние. В общем, как и сам Персей.

Второй трон представляет более изящную версию первого. На нем сидит Каллисто Димитриу, красивая женщина с длинными черными волосами, одетая в элегантное черное платье. Она смотрит на собравшихся так, словно хочет вытолкнуть каждого через стеклянные двери, которые распахнуты, чтобы впустить в зал ароматный воздух июньского вечера. Хотя сомневаюсь, что она бы на этом остановилась. Скорее всего, она была бы рада увидеть, как эти люди полетят вниз прямо с балкона.

Для всех в Олимпе остается загадкой, почему мой брат выбрал ее на роль новой Геры. Они явно недолюбливают друг друга. Их брак не обошелся без вмешательства Деметры, но сколько бы я ни старалась, мне не удалось найти вразумительный ответ. Полагаю, не имеет значения, почему Персей на ней женился, важно лишь, что он это сделал.

Я быстро приседаю в реверансе, который получается почти изящным.

– Зевс. Гера.

Брат подается вперед и сосредотачивает на мне холодный взгляд. Если мы с Эрис напоминаем мать, то Персей во всем

похож на отца. Светлые волосы, голубые глаза, бледная кожа и грубоватое, но привлекательное лицо. Если бы он приложил каплю усилий, с легкостью смог очаровать всех собравшихся. К сожалению, брат никогда не владел этим навыком так, как остальные члены моей семьи.

«За исключением Геракла. Он играл в эту игру так же плохо, как Персей».

Прогоняю эту мысль. О Геракле думать тоже не стоит. Его нет, и для большей части Олимпа он все равно что мертв. Нет, не так. О мертвых люди говорят. А в случае с Гераклом делают вид, будто его никогда не существовало. Я скучаю по нему почти так же сильно, как по матери.

– Ты опоздала. – Персей не повышает голос, но это и ни к чему. Стоящие поблизости гости притихли и замерли, наблюдая, как разыгрывается драма семейства Касиос. Не могу на них за это обижаться. За эти тридцать лет я дала им достаточно поводов для сплетен.

– Прошу прощения. – Я не собираюсь врать. – Потеряла счет времени. – Обычно не готовлюсь так тщательно, но в этой ситуации нет ничего обычного.

Персей слегка качает головой и обводит взглядом зал.

– Скоро я сделаю объявление. Не уходи далеко.

Чувствую раздражение, хотя нет никаких причин принимать это на свой счет. Персей со всеми разговаривает, будто с маленькими детьми. Я знаю, что у него всегда была такая манера общения, но она уже вызывает недовольство среди

элиты Олимпа.

Впрочем, это не моя проблема. Не сегодня. Я одариваю его ослепительной улыбкой.

– Разумеется, дорогой братец. Даже в мыслях не было.

После объявления присутствующие смогут выдвинуть свои кандидатуры, что позволит им принять участие в состязании за титул Ареса. Формально возможность стать участником состязаний открыта до рассвета, но, насколько понимаю, на такие события редко кто опаздывает. Я хочу успеть быстро назвать свое имя, пока никто не подумал мне помешать.

Поворачиваюсь, чтобы осмотреть зал, хотя чувствую, что брат наблюдает за мной. Наверное, беспокоится, что опозорю его еще больше. В любой другой вечер я бы, может, восприняла это как вызов, но сейчас сосредоточена на главном. Не позволю себя отвлечь.

После этого вечера все будут знать, что я сила, с которой нужно считаться.

Вскоре Тринадцать подходят ближе и занимают свои места по бокам от моего брата и Каллисто – Геры. Похоже, эта церемония ей наскучила, но только ей одной. По залу проносится волна возбуждения. Знаю, что Персей лишь хочет стабильности для Олимпа, но эта шумиха принесет городу нечто большее. Повод для радости, событие, которое поднимет настроение горожан, чего в последнее время не хватало.

Пускай Тринадцать правят Олимпом, но они лишь горст-

ка людей. Без поддержки граждан от их власти останется одно название. За всю историю восстание происходило лишь раз, несколько поколений назад, после войны между Тринадцатью, опустошившей город, но оно было настолько жестоким, что все поняли: мы не хотим, чтобы подобное повторилось.

Лучше всего дела идут, когда Тринадцать разыгрывают из себя знаменитостей. Когда кто-то принимает новый титул, он решает, какой имидж хочет создать, и поддерживает его. Некоторые, например Деметра, прежняя Афродита, Гермес и Дионис, идут напролом, используя общественное мнение для достижения собственных целей. А Посейдон с Аидом всегда были вне игры. Аид – благодаря тому, что до недавнего времени на этом берегу реки о его существовании вообще никто не знал. А Посейдон потому, что ему в любом случае обеспечено всеобщее расположение, поскольку он единственный может свободно пересекать барьер, окружающий Олимп, а значит, ввозит все, что городская промышленность не в силах предложить.

Появление нескольких новых членов Тринадцати означает неопределенность, а в нестабильные времена возможно все.

Даже революция.

Мой брат всячески старается этого не допустить.

Толпа сдвигается ближе к тронам, и я отступаю к Дионису. Он мужчина моего возраста с темными короткими воло-

сами и впечатляющими усами, которые он отрастил настолько, чтобы их края загибались по обеим сторонам рта. Должно смотреться нелепо, но это Дионис. Он превращает все в творческий манифест, начиная от своей постоянной веселости, заканчивая цветастым костюмом. Дионис широко улыбается.

– Готова?

Живот сводит, но я улыбаюсь в ответ.

– Конечно. Без драмы не обойдется, а ты знаешь, как я это люблю. – Вскоре я сама устрою драму.

Свет над Персеем становится ярче, съемочная группа занимает места напротив него. Это событие будет транслироваться по всему городу, а значит, впечатление, которое произведут участники состязания начиная с этого момента, крайне важно. Хотя Аресу не нужна поддержка граждан, чтобы выполнять свою работу, но популярность среди горожан облегчит эту задачу.

Мой брат встает. Ему не присуща аура властности, которой обладал наш отец, но он умеет создавать впечатление, будто смотрит человеку прямо в душу. Сейчас он использует это умение, блуждая холодным взглядом по собравшимся, пока не останавливает его на мне. В его глазах вспыхивает непонятное мне чувство, но он продолжает осматривать зал, пока я не успела его распознать.

– Вы все знаете, почему мы здесь собрались. – Он не повышает голос, но ему это и не нужно. Мои брат и сест-

ра с ранних лет обучались публичным выступлениям, чтобы стать безупречными представителями нашей безупречной семьи. – Мы собрались, чтобы почтить кончину Ареса. Он служил своему титулу почти шестьдесят лет и ушел слишком рано.

Прекрасные слова. И бессмысленные. Откровенно говоря, последний Арес был той еще сволочью.

Персей поворачивается к другой части зала.

– Сегодня мы начнем выбирать нашего следующего Ареса. Согласно традиции, будут проведены три испытания, о первом из которых вам станет известно через два дня. Победитель всех трех состязаний станет следующим Аресом. – Тяжелая пауза. И снова его лицо приобретает то странное выражение.

Это служит мне единственным предупреждением.

Персей смотрит на меня с подобием сочувствия, которое отражается в его голубых глазах, и наконец решает мою судьбу:

– И женится на моей сестре Елене.

Глава 2

Ахиллес

– Я же говорил, – бормочет Патрокл.

Мне не надо смотреть на него, чтобы понять, о чем он думает. Я всегда знаю, о чем он думает. А именно: слишком о многом. Зато восторженные фанатки, обступившие нас, как только мы вошли в зал, с началом выступления наконец разошлись. Какое облегчение. Я могу источать обаяние, ко-

гда требуется, но эта хрень здорово выматывает.

Последний Арес никогда не беспокоился, чтобы играть на публику. Он был старым ублюдком и плевать хотел, если всем было об этом известно. Не знаю, был ли он таким, когда принял титул, но под конец его все возненавидели. Даже собственные люди.

Афина действует иначе, а всему важному, что знаю, я научился у нее. Пряник лучше кнута, лучше добиваться желаемого, прибегая к манипуляции, а не лупить людей по голове первым, что подвернется под руку. Аресу не помешало бы взять у Афины пару уроков, но он был из тех, кто никогда не сходит с намеченного пути.

Все изменится, когда я стану у руля.

Зевс все не смолкает, скармливая собравшимся какую-то чушь о традициях. Олимп по уши в традициях. Они служат то оправданием, то аргументом, который снимает ответственность с тех, кто ответственен за те или иные события.

– Ага, – бормочу я. – Хотя тебе и произносить это не стоило. Твое «я же говорил» слышится настолько ясно.

Патрокл был уверен, что к титулу будет прилагаться жена. Титул Ареса давно не сменял владельца, и у меня были сомнения, но один из многочисленных навыков Патрокла кроется в умении собирать доступную информацию и проигрывать различные варианты развития событий, ища наиболее вероятный. Поэтому порой Патрокл чертовски раздражает, но он чрезвычайно умен.

Я обвожу зал взглядом. Похоже, это объявление никого не удивило, а значит, остальные, как и Патрокл, тоже собрали информацию либо умеют сохранять бесстрастное выражение лица.

Он пододвигается ближе и прижимается плечом к моему плечу. Хмурится, напрягая свой незаурядный ум.

– Впрочем, не ожидал, что ей будет Елена. Не думал, что Афродита выберет ее.

– Вот-вот. – Знаю, что не стоит этого делать, но мой взгляд устремляется к женщине, которая в одиночестве стоит в кольце людей, которые будто отошли от нее, чтобы не иметь отношения к тому, что случится дальше. Мне виден только ее профиль, но этого достаточно.

Назвать Елену красивой – преуменьшение. Она безупречна. Подобная красота встречается раз в поколение. В ее семье полно привлекательных говнюков, но она стоит на иной ступени. А еще она бесшабашная тусовщица, чьи похождения постоянно попадают на сайты сплетен. Она не следует правилам, которым следуем все мы. Ей не доводилось голодать или за что-то бороться.

Эта женщина – принцесса из башни, а на что еще способна принцесса, кроме как быть наградой победителю?

Она переминается с ноги на ногу, едва заметно расправляя плечи. Поворачивается к залу и выглядит счастливой... если не смотреть в ее янтарные глаза. Они такие же холодные, как и у Зевса. Елена легко машет собравшимся.

– Вот так счастье подвалило.

По залу проносятся смешки. Мы с Патроклом не издаем ни звука. Я смотрю на него. Он на несколько сантиметров выше меня и более поджарый. Сегодня он надел очки, которые мне очень нравятся, и костюм, который мне хочется немного помять. Он всегда чертовски собран. Его ничто не тревожит, потому что прежде чем начать действовать, он проигрывает в голове полдюжины различных вариантов развития ситуации. Его почти невозможно застать врасплох.

И все же.

– Ты уверен в этом? – тихо спрашиваю я.

Возможно, он и ожидал, что по традиции, помимо всего прочего, будет предложена жена, но Елена все усложняет. С тем же успехом можно лечь в постель со змеей и молиться, чтобы она не вонзила в тебя клыки. Но она укусит. Так поступают змеи. Эта женщина предана своей семье и только. Брак с ней означает, что твоя жизнь превратится в поле боя. Она Касиос. Ей нельзя доверять.

– Это единственный выход.

Он прав. Не знаю, почему ставлю это под сомнение. Я хотел этого с тех пор, как повзрослел и стал понимать, что в Олимпе уважают только власть. А когда вкусил ее, пока поднимался по карьерной лестнице под началом Афины? Да, я готов многим пожертвовать ради этого титула.

– Значит, действуем по плану.

Патрокл смотрит на меня и едва заметно кивает, а его кра-

сивое лицо остается спокойным. Он никогда не хотел быть лидером, не говоря уже о том, чтобы претендовать на место одного из Тринадцати, но все же выдвинет свое имя, чтобы помочь мне. Таков был наш план с тех пор, как я решил стать Аресом. Первые два состязания задуманы так, чтобы сократить число претендентов, пока не останутся пятеро для финального испытания. Союзы между участниками не являются чем-то необычным, но я не готов полагаться на незнакомца. Тут в дело и вступает Патрокл. Он будет оказывать мне любую помощь, чтобы я добрался до финального испытания. Хотя уверен, что справился бы самостоятельно, но он настоял.

Честно говоря, я не сильно возражал. Патрокл всегда был рядом с тех пор, как мы познакомились, когда нам было по восемнадцать. С того времени все важные этапы в жизни мы преодолели вместе. Было бы странно участвовать в состязании и завоевать титул Ареса, и чтобы Патрокл при этом не прикрывал мне спину.

Но все же.

– Если ты уверен.

– Уверен. Не старайся дать мне путь к отступлению. Я буду состязаться. И точка. – Он отворачивается, оглядывая толпу. – У меня есть досье на каждого возможного кандидата. Ты лучший. С моей поддержкой твоя победа гарантирована.

Моя победа. Стать Аресом. Жениться на Елене. У нас с

Патроклom нетрадиционные отношения, во всяком случае, по мнению некоторых, но я жду, когда наконец мысль, что я вступлю в брак с кем-то, начнет его беспокоить. Меня бы точно волновало, если бы он собирался на ком-то жениться. Но он, как всегда, невозмутим. Это сводит меня с ума.

– Брак с Еленой Касиос обернется той еще головной болью.

Он бросает на меня испытующий взгляд.

– Арес.

Будто мне нужно напоминать об этом. Я бы женился и на гребаной гарпии, чтобы стать одним из Тринадцати. К сожалению, Елена Касиос от нее недалеко. Она избалованный ребенок, который всегда добивается своего, и, несмотря на ее лживую улыбку, я вижу, что она в ярости от такого развития событий. Она заставит того, кто выиграет в состязании, сожалеть об этом до конца жизни. Не говоря уже, что любая информация, которую она узнает от меня, будет передана Зевсу.

Весьма умный ход с его стороны. Такое мог бы придумать Патрокл. Впрочем, в конечном счете это не имеет значения. Я стану Аресом, а со всем прочим разберусь, когда титул будет моим.

Движение слева заставляет меня повернуться. Парис. Худощавый белый парень, который тратит на внешность уйму денег. Это ясно по гладкости его кожи и безупречной укладке. Жаль только за деньги не стать хорошим человеком – Па-

рис конченный выродок. Все хорошие качества достались его старшему брату Гектору.

К Гектору я отношусь с симпатией и уважением.

Парис смотрит на Елену как на кусок мяса, который ему не терпится проглотить. Я не слежу за сайтами сплетен, но расставание Париса и Елены было настолько неприятным, что несколько недель не покидало заголовки. Теперь этот у блюдок едва ли не потирает руки от радости.

Он косится на меня и ухмыляется.

– Прости, приятель, но она моя. Она не сможет отказаться, если я стану Аресом и женюсь на ней.

Гектор шагает вперед, встает с другой стороны от брата и так непринужденно отвешивает ему подзатыльник, будто уже устал делать это.

– Не ха ми. – Он кивает мне. – Ахиллес.

– Гектор. – Раньше он возглавлял один из отрядов Ареса, но потом женился, завел ребенка и перешел на работу к одному из Тринадцати – к Аполлону. С тех пор я редко видел Гектора, но в те времена, когда его знал, он был грозным бойцом. – Как ребенок?

– Вся в мать. – Он слегка улыбается. – Я каждый день благодарю богов, что она не унаследовала мою мерзкую рожу.

Гектор по-своему красив в своей грубоватой манере, у него песочного цвета волосы и добрые глаза, но он прав: победителем конкурса красоты ему в обозримом будущем не стать. Я широко улыбаюсь, не обращая внимания на Париса.

– Ты, надеюсь, не собираешься состязаться? К тому же у тебя уже есть жена. Я вообще думал, что ты на полпути, чтобы уйти в отставку.

– Семья, – пожимает плечами он.

Я киваю, будто понимаю, о чем он говорит. Моя единственная семья – это Патрокл и отряд, которым мы руководим. Кто мои родители – загадка. Видимо, они не хотели детей, поэтому последовали традиции и оставили ребенка (то есть меня) на ступенях храма. Я вырос в одном из приютов, которыми руководит Гера, но сомневаюсь, что она хоть раз бывала там с тех пор, как я родился. В восемнадцать мне представился выбор: работать на Ареса, Посейдона или Деметру. Хотя особого выбора не было. Я оставался помощником Ареса в течение нескольких лет, пока Афина не вытащила меня из этого болота и не показала, каким может быть величие.

Оно всегда было моим предназначением.

– Теперь пришло время кандидатам выйти вперед.

Зевс делает шаг назад и жестом приглашает высокую чернокожую женщину. На ней костюм светло-серого цвета, который оттеняет теплый, темный оттенок ее кожи. Черные волосы коротко подстрижены на висках, а на макушке оставлены более длинные локоны. Афина.

Она оглядывает зал, будто оценивает собравшихся. Зная ее, уверен, что именно это она и делает.

– Как только вы выдвинете свою кандидатуру, выйти из

состязания возможно будет, проиграв в испытании или заявив о прекращении участия. Испытания не предусматривают смертельного исхода, но... всякое случается. Будьте готовы пожертвовать всем.

Парис выныривает из-под руки Гектора и выходит вперед.
– Я Парис Хлорос. Я пожертвую всем.

Ничего не могу с собой поделатъ. Бросаю взгляд на Елену, чтобы увидеть ее реакцию. Она свирепо смотрит на своего бывшего, ее бледная кожа приобрела зеленоватый оттенок. Парис подмигивает ей, будто не замечает ее убийственного взгляда. Сомневаюсь, что он переживет брачную ночь, если завоюет титул Ареса.

Но этого не произойдет, потому что Парис мне не соперник. Гораздо больше меня беспокоит Гектор, который выступает вперед и произносит традиционную фразу. Аякс, еще один бывший командир Ареса, и человек, которого я считаю другом, выходит следующим. За ним чернокожая женщина с покрытым шрамами лицом. Ее зовут Аталанта, и она так стремительно двигается, что мне уже ясно: она окажется чертовски быстрой.

Претенденты по очереди выходят вперед. Я замечаю тех, кого Патрокл ожидал увидеть, и тех, кого не ожидал. Они не вызывают у меня интереса. Среди них есть несколько настоящих соперников, но в основном это все члены привилегированных семей, которые вращаются в кругах Тринадцати. Они собираются принять участие в состязании, просто по-

тому что не могут упустить шанс завоевать этот титул, но на самом деле не представляют угрозы для меня.

Пробегают волна шепота, и, оглянувшись через плечо, вижу двух мужчин, которые пробираются сквозь толпу. Люди суетятся, чтобы убраться с их пути. Оба мужчины похожи внешне: загорелая кожа, каштановые волосы, темные глаза. Они оба крупнее меня.

– Большие ублюдки, – шепчу я.

Тот, что выше ростом, бросает на меня пугающе пустой взгляд, проходя мимо. Зал стих, вероятно, почувствовав то же, что и я: сюда забрели настоящие хищники. Но, что еще важнее, они чужаки.

Парень ростом пониже выходит первым и отвешивает показательный поклон.

– Я Тесей Виталис, и я готов пожертвовать всем.

Афина приподнимает бровь.

– Недавно в городе?

– Это не противоречит правилам состязания.

– Я знаю правила. – Она смотрит на того, что выше. – А ты?

– Я Минотавр. – Его голос звучит так, будто ему перерезали голосовые связки и засыпали рану горящими углями.

Афина бросает на него пристальный взгляд.

– Это твое имя?

– Вроде того. – Он замолкает на миг, за который она успевает кивнуть, и продолжает: – Я пожертвую всем.

– Опасные, – тихо говорит Патрокл.

– Да уж. – Жду, когда эти двое отойдут в сторону, и мы с Патроком выступаем вперед.

Снова невольно смотрю на Елену, когда Патрокл произносит традиционную фразу. У нее плохо получается скрывать свои чувства, и меня беспокоит, что в ответ я ощущаю волну сочувствия. Очевидно, она не выбирала все это. Черт, она даже не знала, пока Зевс не сделал объявление. Эта женщина ничего для меня не значит, но, когда завоюю титул Ареса (а я его завоюю), не допущу, чтобы с ней плохо обращались. После свадьбы мне будет плевать, чем она занимается или с кем трахается, лишь бы держалась от нас с Патроком подальше. Лучшей сделки ей никто не предложит.

Наступает моя очередь, и я отбрасываю мысли о Елене прочь.

– Я Ахиллес Каллис, и я готов пожертвовать всем.

Афина не улыбается, но в ее темных глазах теплится одобрение. Большой экспрессивности от нее ждать не приходится, и у меня возникает странное чувство. Я не из тех, кто нуждается в одобрении окружающих, но я уважаю Афины, и ее мнение важно для меня.

Она выжидает несколько долгих секунд, но больше никто не вызывается. Повышает голос, чтобы ее услышали во всех уголках зала.

– Крайний срок, когда возможно выдвинуть свою кандидатуру, – до рассвета. Желаю удачи.

Свет постепенно разгорается, возвещая об окончании торжественной части. Вечеринка будет продолжаться еще несколько часов, но у нас больше нет причин оставаться. Я поворачиваюсь к Патроклу.

– Идем.

Мне кажется, что он станет спорить, но он лишь кивает и идет вместе со мной к выходу. Люди расступаются перед нами. За годы, прошедшие с тех пор, как меня повысили до заместителя Афины, я несколько раз бывал на подобных мероприятиях, но Афина предпочитает, чтобы ее подчиненные держались подальше от этого змеиноного гнезда. Ее слова, не мои. Не вижу в этом особой проблемы, но, с другой стороны, я не из тех, кого можно увлечь красивым личиком или еще более красивыми словами. Я знаю свою судьбу.

Придерживаю для Патрокла дверь, и мы выходим в длинный коридор, ведущий к лифтам. На его лице застыло такое выражение, что я готов закатить глаза.

– Только не говори, что беспокоишься о золотой принцессе.

– Мне жаль ее. – Он пожимает плечами, не стыдясь своей доброты. – Наверняка быть так близко к Тринадцати не несет ничего хорошего. Ее жизнь никогда ей не принадлежала с самого рождения.

Не сдержавшись, все же закатываю глаза.

– Верно. Бедная маленькая принцесса, родившаяся в самой богатой семье города, которой на блюде подано все,

о чем только можно мечтать. Ей никогда ни за что не приходилось бороться. Как приходилось мне и тебе.

– Не совсем так, по крайней мере для меня. Если бы все сложилось иначе, я был бы сыном Афродиты.

– Это другое.

– Как скажешь. – Пожимает плечами. – У меня нет таких амбиций, как у тебя, Ахиллес. Для меня работа на Афины – это просто работа. Так было всегда.

Я люблю его, но порой совсем не понимаю. Если не бороться за что-то, можно оказаться пешкой в руках тех, кто борется. Патрокл – один из самых умных людей, которых знаю, но он слишком мягок. Если бы я не прикрывал его спину с тех пор, как мы познакомились, будучи подростками, его бы поймали уже множество раз.

Хотя сомневаюсь, что без меня он бы вообще оказался в войсках Афины. С его любовью к знаниям и исследованиям он бы мог работать на Аполлона, как Гектор.

Меня поражает что-то похожее на чувство вины, но я гоню его прочь.

Когда стану Аресом, Патрокл сможет делать все, что пожелает. Когда у меня будет так много власти и ресурсов, ему вообще не придется работать, если не захочет.

Я обнимаю его за плечи и быстро целую в висок.

– Не переживай так сильно. Когда стану Аресом, то позабочусь о нас обоих. – Я улыбаюсь. – Черт, о Елене тоже позабочусь, если тебе от этого станет лучше.

Даже если она избалованный ребенок.

Глава 3

Елена

– Ты что, издеваешься надо мной? – Я сжимаю ткань платья, иначе врежу брату. Как бы приятно это не было, не могу рисковать и повредить себе руку. Если, конечно, хочу получить титул Ареса. Вот только как смогу стать Аресом, если Персей назвал меня женой Ареса? – Ты превратил меня в победный трофей! Сосватал незнакомцу, даже не поговорив

со мной.

Мне удавалось держать себя в руках, пока вечеринка не закончилась, и мы не оказались в кабинете Персея в узком кругу: я, Персей, Эрис и Каллисто. То есть я, Зевс, Афродита и Гера. Персей сидит за большим столом, утомившись от этого спектакля. Эрис смотрит на меня с улыбкой, которая мне совсем не нравится. Я люблю брата и сестру, правда. Но не могу забывать, что прежде всего их заботят собственные честолюбивые планы и власть. Так было всегда, даже до того, как они вошли в Тринадцать. В конце концов, так нас воспитывали.

Единственным исключением был Геракл, и вот что с ним стало.

Каллисто стоит перед панорамными окнами, будто не интересуясь разговором. Вернее сказать, конфликтом.

Эрис рассматривает ногти.

– Такова традиция, к титулу Ареса прилагается жена.

Во время подготовки упустила эту маленькую деталь. Я была так сосредоточена на том, какими могут быть испытания, что не позаботилась изучить все остальное. У последнего Ареса было несколько жен за все время, пока он носил этот титул. Мне никогда не приходило в голову, что одна из них досталась ему, когда он завоевал этот титул.

– Это не оправдание. Ты мог выбрать кого-то другого. Должен был. Почему именно я?

Персей складывает пальцы домиком.

– Потому что ты Касиос.

Вздрагиваю. Я не просила родиться в этой семье. Не просила и того, с чем мне приходится жить.

– Значит, я буду наказана за то, что в моих жилах течет кровь нашего отца?

– Елена, перестань драматизировать.

Меня бесит его покровительственный тон.

– Нет, иди ты к черту. Ты не знаешь, каково это...

Он медленно встает и перебивает меня.

– Я не знаю каково... что именно? Принести жертву во имя Тринадцати? Вступить в брак с незнакомкой ради общего блага? – Он не смотрит на Каллисто. – Я не требую от тебя ничего, что не сделал сам.

– Я этого не просила, – произношу наконец.

– Не ребячься. Ты не особенная. Никто из нас этого не просил, – он поворачивается к двери, – тебе было суждено вступить в брак ради власти. Ты это знаешь.

Честно говоря, чудо, что мне до сих пор удавалось этого избежать. Отец думал сломить меня, прежде чем отдавать кому-то как пешку, и только по этой причине мне на палец еще не надели кольцо. Но от Персея такого не ожидала.

Какая я глупая.

Конечно, брат ни за что не допустит, чтобы такая мелочь, как мое счастье, помешала ему достичь цели. Наш отец прекрасно его обучил. Прекрасно обучил всех нас. Даже отец с его мелочной жестокостью по-своему защищал Олимп. Ни-

кто не мог защитить Олимп от него самого, но пока он занимал трон, нам не нужно было беспокоиться о врагах извне.

– Но...

– Тринадцать слишком разобщены, нарастает беспокойство из-за перемен. Я подчиню их всех одного за другим, чего бы мне это ни стоило. А ты внесешь свой вклад, склонив Ареса на мою сторону. Так, как тебя учили.

Что последует за неминуемым вступлением в политический брак? Он перестанет быть политическим в тот миг, когда скажу «согласна». Я буду ходить по канату между супругом и семьей, и, видят боги, хоть моя семья не идеальна, но я ей предана. Как бы мне ни было противно делать то, что от меня требуется. А значит, другого ответа нет.

– Я поняла.

– Хорошо. – Он поворачивается и пронзает меня холодным взглядом. – Завтра будешь присутствовать на церемонии открытия. Сидеть рядом с Афиной в красивом платье и вдохновлять кандидатов в их стремлении к величию. Они должны устроить зрелище века, и в этом мне нужна твоя помощь. Это твой долг, Елена. Ты ведь не забыла, какова цена жизни, которой мы живем?

Меня пронзает чувство стыда, и я стараюсь держать спину прямо. Неважно, как бы ужасно не было расти, будучи одной из детей Зевса, факт остается фактом: я никогда ни в чем не нуждалась. Лучшие школы, лучшая одежда, дом в Верхнем городе и принадлежность к кругу самых богатых и влиятель-

ных. Все это благодаря семье, в которой я родилась.

Но, как любит напоминать мне брат, за все приходится платить.

В чем-то Персей прав, он не просит у меня ничего, что не был бы готов сделать сам. В конце концов, он женился на одной из дочерей Деметры. Сколько бы я ни ныла, все же признаю значимость их союза, даже если не вполне понимаю, почему брат выбрал именно Каллисто. Он лучше всех нас знает, какое жуткое наследие мы несем в своей крови, о грехах, которые совершил наш отец, пока был Зевсом. Персей старается идти другим путем. И за это я его уважаю, пускай он страшно меня раздражает.

Но...

Не хочу такой ответственности. Я этого не выбирала.

Неважно. Поднимаю голову, моргая от жжения в глазах. Я Касиос, а Касиосы не плачут.

– Я исполню свой долг. – А какие у меня варианты? Бежать? Даже мысль об этом смехотворна. Посейдон ни за что не станет мне помогать. Он меня недолюбливает, и более того, знает, насколько я важна для всего этого замысла. Помочь мне – значит испортить отношения с Зевсом, Афродитой и следующим Аресом. Возможно, и с Деметрой тоже, хотя за нее не могу поручиться. Посейдон слишком рационален, чтобы совершить что-то столь безрассудное.

– Приставить к тебе одного из людей Афины?

Я приосаниваюсь.

– Нет, конечно.

– Ладно. Не заставляй меня пожалеть об этом решении. – Он кивает и уходит, оставив меня наедине с Эрис.

Она отталкивается от стола. На ней облегающее платье цвета оружейного серебра, а длинные волосы убраны назад в сложном сплетении жгутов.

– Знаю, это не лучший вариант, но он прав. Новый Арес означает, что среди Тринадцати появится человек, от которого мы не знаем, чего ожидать. Нужно, чтобы ты подготовила почву для создания нового альянса между Зевсом и Аресом.

Я люблю сестру. Очень. Но это не меняет того, что, как и все в моей семье, на первое место она ставит Олимп, на второе себя, а остальных в самый конец. Возможно, семью она ценит выше, чем большую часть населения Олимпа, но ненамного. Она любит меня. Просто она не из тех, кто позволяет чувствам помешать ей предпринимать решительные действия (подливая масла в огонь при любой возможности).

– Ты могла выбрать кого-то другого. Кого угодно.

Она пожимает плечами, а уголки ее губ приподнимаются в легкой улыбке.

– Ты выйдешь сухой из воды, Елена. Как всегда.

Я запрокидываю голову и смотрю в потолок.

– Это был весьма двусмысленный комплимент. – Мой голос звучит высоко и напряженно. Я слишком хорошо владею собой, чтобы закатывать истерику из-за такого поворота со-

бытий, но больше всего на свете мне хочется швырнуть что-нибудь в самодовольное лицо сестры. – Я очень зла на тебя.

– Переживешь. В этом городе каждый сам за себя, особенно среди Тринадцати. Ты это знаешь.

– Да, и я бы создала прочный альянс между Зевсом и Аре-сом, если бы ты позволила мне занять этот титул.

Она вздрагивает, будто я ее удивила.

– Не хочешь же ты сказать, что всерьез думала выдвинуть свою кандидатуру? Я считала, ты отказалась от этой нелепой затеи, еще когда мы были детьми.

Мне не должно быть так больно от того, что сестра не воспринимает меня всерьез. Я надеялась, она понимает, что мои амбиции вовсе не пустые. Видимо, я ошибалась.

– Никогда от нее не отказывалась.

Она натянуто улыбается.

– Дорогая, знаю, что ты хочешь как лучше, но взгляни на кандидатов: Ахиллес, Гектор, Аталанта, те два чужака. Они огромные, насилие так и сочится из них. Не говоря уже о тридцати других претендентах. Ты... – Она колеблется. – Ты способная, но ты не воин, Елена. Тебе ни за что не победить.

Эти слова ранят сильнее, чем то, что она не восприняла мои честолюбивые планы всерьез. Она искренне считает, что мне это не по силам. В груди щемит, и только годы практики помогают мне не дрогнуть.

– Я бы победила.

– Полагаю, этого мы никогда не узнаем. – Эрис поджима-

ет губы почти с виноватым видом. – Сожалею, Елена. Мне правда жаль. Но ты знаешь, как все обстоит. Олимп важнее всего. Порой он требует жертв.

– Продолжай убеждать себя в этом. Ты, черт побери, вообще ничем не жертвуешь. – Я так зла, что меня трясет. Искушение выплеснуть ярость, пока в комнате нет посторонних слишком велико, чтобы сопротивляться ему. Мы с Эрис не ссорились уже много лет, последний раз это случилось, когда мы были подростками. Было бы чертовски приятно выплеснуть сейчас это ужасное чувство. Слово «предательство» почти готово сорваться у меня с языка.

– Не делай такое лицо. Будут морщины. Все наладится, Елена. Доверься нам. – Она разворачивается и быстрым шагом выходит из кабинета. Эрис всегда любила удаляться посреди спора.

Как же наивно с моей стороны было верить, что брат и сестра дадут мне возможность выбирать. Елене Касиос, принцессе Олимпа, суждено выйти за того, кто принесет ее семье еще больше власти.

– Проклятье! – Я заставляю себя разжать кулаки и отпустить ткань платья. – Как же я хотела заполучить этот титул!

– Почему бы не сделать это в любом случае? – Из тени раздается низкий, почти соблазнительный голос Каллисто.

Вздрагиваю и оборачиваюсь, сердце колотится в груди. Совсем забыла, что она была здесь с нами. Она выходит из тени у окна, возле которого стояла, оставаясь невидимой. В

черном платье и с темными волосами она похожа на тень, случайно забредшую в этот кабинет. До сих пор не могу поверить, что брат женился на ней. Понимаю его желание привлечь Деметру на свою сторону, но лучше было бы ему выдать Эвридику. Она милая, и брак с ней сулил бы более спокойную жизнь.

С другой стороны, Олимп не пощадил бы ее, стань она Герой.

– Я не могу этого сделать. Все не так устроено.

– Разве? – Каллисто разглядывает ногти. – Я не спрашиваю разрешения, а прошу прощения, когда дело сделано. В конце концов, именно так поступил твой брат. Почему бы не отплатить ему той же монетой?

Я смотрю на нее.

– Ты пытаешься создать проблемы.

– Олимп и есть проблема. – В ее голосе сквозит опасность.

Нельзя сказать, что она не права, но все же. Ее мать, Деметра, завоевала титул и привезла дочерей в город чуть больше десяти лет назад. За это время Каллисто высмеяла все, что было связано с Тринадцатью. До того, как вышла замуж за моего брата, она вообще не появлялась на мероприятиях. Никогда не соблюдала правила. Всегда была готова перейти черту и сражаться, кем бы ни был ее противник.

А теперь, когда она стала Герой, я не знаю, чего от нее ожидать.

Скрещиваю руки на груди и стараюсь унять бешеное би-

ение сердца. Какой бы опасной она ни казалась, она всего лишь женщина, а я играю в эту игру дольше, чем она пробыла в Олимпе. Я говорю с фальшивым весельем в голосе:

– Очень мило, что ты пытаешься быть заботливой невесткой, но не собираюсь становиться пешкой в игре, в которую ты играешь с моим братом.

Каллисто бросает на меня долгий хищный взгляд карих глаз.

– Это не имеет никакого отношения к твоему брату.

– Прелестно. А я хочу продать тебе масло со змеиным экстрактом. Оно прекрасно действует на кожу. Можно сказать, источник молодости.

Она кривит губы.

– Неважно, каковы мои мотивы, мы говорим о тебе. Разве есть правило, согласно которому ты не можешь выступать и кандидатом, и наградой одновременно?

Я замираю. Вопреки всему обдумывая ее слова.

– Надо проверить, но думаю, что нет. Сомневаюсь, что кому-то пришло бы такое в голову. – Мне не хочется подтверждать сомнения Эрис на мой счет, но... – Ты видела других кандидатов. С такими сложно состязаться.

Каллисто пожимает плечами.

– Если ты собиралась завоевать титул Ареса, значит, готовилась сразиться с ними и одержать победу.

Она не ошибается, но ее слова все равно могут оказаться ловушкой. Вот только... не уверена, что меня это волнует.

Если буду состязаться и выиграю, то убью двух зайцев одним выстрелом. Приму титул Ареса и сумею избежать брака с незнакомцем. Я невольно вспоминаю лицо Париса, то, как он глазел на меня, выдвигая свою кандидатуру. Каково быть замужем за ним. Однажды я избежала такой участи и решительно настроена сделать это снова.

И все же кое-что не сходится. Я скрываю растущее волнение и спрашиваю спокойно:

– Повтори-ка, что ты выигрываешь, предлагая мне пойти на это?

Она пожимает плечами.

– Может, я выступаю против того, чтобы людей принуждали вступать в брак вопреки их выбору. А может, просто хочу прожить этот опыт через тебя, потому что сама посостязалась бы за титул Ареса, если бы не была Герой. Может, хочу насолить любимому муженьку. Мои мотивы не важны, так ведь? – Снова эта хищная улыбка. – Ты хочешь состязаться, Елена? Так сделай это. Докажи этим ублюдкам, которые считают тебя лишь хорошенькой наградой, что они не правы.

У меня возникает чувство, будто она запустила стрелу прямо мне в сердце. Я не могу ей доверять и неважно, что она моя невестка. Но... это не означает, что ее затея лишена смысла.

– Ты и правда ненавидишь моего брата?

– Я ненавижу всех из Тринадцати.

– Ты сама одна из Тринадцати. – Пусть даже титул Геры потерял силу с тех пор, как мой отец стал Зевсом. Сменив трех жен, трех Гер, он лишил этот титул влияния, сделав так, что от него осталось лишь имя для обозначения супруги Зевса.

– Да, это так.

Дверь открывается, и в кабинет входит Персей. Переводит взгляд с меня на жену и обратно.

– Вот ты где.

Ее улыбка сочится ядом.

– Болтаю с Еленой.

Он никак не реагирует на ее слова, но это к лучшему.

– Нам пора, Гера.

– Разумеется, Зевс. – Ее слова звучат вежливо, но за ними кроется ярость. Каллисто поворачивается ко мне. – Поздравляю с предстоящей свадьбой, Елена. Уверена, ты станешь прекрасной парой для следующего Ареса.

Я смотрю, как она неспешно подходит к моему брату, и у меня волосы на затылке встают дыбом. Эта женщина большая хищница, чем большинство из Тринадцати, и я не могу избавиться от ощущения, что Персей сильно пожалеет, что женился на ней. Он легко поворачивается и опускает ладонь ей на поясницу. Брат всегда беспокоится о производимом впечатлении, даже когда никто, кроме меня, не видит этого.

Я выхожу за ними из кабинета, и мы спускаемся на пар-

ковку. Только когда мы оказываемся вне зоны слышимости охранника, стоящего возле дверей, Персей заговаривает:

– Ни при каких обстоятельствах не предпринимай действий, которые могут поставить все под угрозу. Пообещай мне, Елена.

Черт бы его побрал за то, что преподнес мне этот неприятный сюрприз, а теперь требует, чтобы хорошо себя вела. И черт бы побрал его жену за то, что своими умными замечаниями пробила брешь в моем и без того ненадежном решении делать то, что просит семья. Я качаю головой.

– Знаешь, ты и правда похож на нашего отца.

Он вздрагивает, и от этого едва заметного движения меня охватывает чувство вины. Это был удар ниже пояса, и я нанесла его намеренно, чтобы причинить боль. Я никогда не хотела быть стервой, но порой боль давит так сильно, что с моих губ срываются ужасные слова. Слова, которые наносят удар в самое сердце.

Персей подталкивает Каллисто к внедорожнику, и я снова поражаюсь, как легко он прикасается к ней, будто не боится лишиться руки. Он ведь замечает резкий взгляд, который она бросает в его сторону всякий раз, когда он подходит слишком близко?

Дождавшись, когда она сядет на пассажирское сиденье, он поворачивается ко мне.

– Я это заслужил, но это ничего не меняет. Пообещай мне, Елена.

– Обещаю, – не колеблясь, лгу я. И даже не испытываю чувства вины. В нашей семье это, можно сказать, способ выражения любви.

Он всматривается в мое лицо, и холод в его глазах исчезает.

– Кто бы ни стал Аресом, он будет хорошо с тобой обращаться. Я об этом позабочусь.

Горько усмехаюсь.

– Как? Установишь слежку, чтобы убедиться, что мой супруг меня не обижает? Да брось.

– Да.

Он... не шутит. Я смотрю на него.

– А что потом, Персей? Что станешь делать, если окажется, что ты обрек меня на брак с монстром?

– До этого не дойдет. Ты слишком умна, и большинство претендентов понимают, что, причинив тебе вред, испортят отношения с большинством из Тринадцати.

Не может же мой честолюбивый безжалостный брат быть настолько наивным.

– Большинство, но не все.

– Чужаки не победят, Елена.

Нет, не победят. Потому что победа будет за мной. Решимость крепнет в груди, придавая мне сил. Я заполучу титул Ареса. И все же не могу перестать допытываться. Сама не знаю, чего ищу. Заверения. Утешения. Чего угодно. Какая я дуручка.

– А вдруг все же победит кто-то из незнакомцев? Если победит Парис?

– Никто не причинит тебе вреда. А если причинит... – Брат поворачивается к внедорожнику. – Тогда я сделаю тебя вдовой.

Глава 4

Патрокл

Я оставляю спящего Ахиллеса в нашей квартире и пешком иду в главный офис Афины. Она предпочитает не выделяться и занимает старое здание в северо-восточной части Верхнего города, к югу от доков и недалеко от побережья. Оно расположено достаточно далеко от блистательного центра, где обосновался Зевс, и здания в округе разительно от-

личаются от строений из стали, стекла и бетона, находящихся в кварталах возле башни Додоны.

Осталось совсем немного времени до истечения срока, когда можно выдвинуть свою кандидатуру. Я предполагаю, что большинство ключевых игроков уже заявили о себе, но не люблю, когда меня застают врасплох. Осталось всего несколько часов, и если кто-то намерен объявиться с опозданием, то сделает это сейчас, под покровом темноты.

Исторически сложилось, что все три состязания скорее испытания физической силы, но нельзя недооценивать преимущества неожиданного соперника. Чтобы гарантировать Ахиллесу победу, мне нужно учитывать все варианты и строить планы, исходя из этого. Поэтому я сейчас здесь, а не в теплой постели рядом с ним.

Вдоль улицы на одинаковом расстоянии выстроились высокие дубы, которые создают приятную прохладу в летнюю жару. Я встаю в тень одного из них, откуда хорошо виден вход в здание Афины, и жду.

Я слышу прежде, чем успеваю увидеть. Каблуки жестко стучат по тротуару, настолько быстро и резко, что выдают сильный гнев. Я прячусь глубже в тень и выглядываю, ища источник звука.

Во мне вспыхивает удивление, когда узнаю золотистое платье, мерцающее в свете уличных фонарей. Отсюда мне плохо видно лицо Елены, но ее решительно напряженные плечи говорят о многом. Она делала то же самое, когда мы

были детьми и играли на площадке – расправляла плечи, прежде чем ринуться в бой.

Тогда ставки были гораздо ниже.

Мне удастся убедить себя, что она оказалась на этой улице и идет в эту сторону случайно, пока она не распахивает дверь в здание Афины и не заходит внутрь.

Я хороший стратег. Возможно, лучший в Олимпе. Я предполагал, что Елену выберут в качестве жены для следующего Ареса, еще до того, как об этом объявили, потому что на это указывали все факты. Также я знал, что Парис и Гектор выдвинут свои кандидатуры. И предвидел, что среди претендентов будет несколько участников не из Олимпа, хотя у меня не было возможности подробнее о них узнать.

Но такого я не ожидал.

Елена намерена состязаться за титул Ареса? Даже мысль об этом абсурдна, хотя, перебирая в уме истории, которые прочел на эту тему, понимаю, что это не противоречит правилам. Просто раньше такого не случалось.

А если она погибнет во время одного из испытаний? Участников иногда убивают, хотя это скорее исключение из правила. Вряд ли Зевс сможет быстро заменить предложенную в награду супругу. Но если сумеет, а Тринадцать, общественность и кандидаты его поддержат... Сама мысль об этом смехотворна. Кто может сравниться с Еленой Касиос в том, что касается связей и красоты? Никто.

Все обернется катастрофой.

Я так поглощен своими мыслями, что не слышу, как она выходит. И не замечаю Елену, пока она не оказывается прямо передо мной.

– Тебе никогда не удавалось быть скрытным.

– Мне было восемь, когда ты видела меня в последний раз.

Люди меняются. – Хотя, если подумать, именно Елена тогда вела себя необычно. Маленькая милая девчонка в безусловно аккуратном платье... которая разбивала носы хулиганам и заставляла их плакать.

– Некоторые меняются, – пожимает плечами она. – В любом случае шпионаж ниже твоего достоинства, Патрокл.

Возможно, в детстве мы были друзьями, пока мои матери не переехали из центральной части города, когда я учился в третьем классе. С тех пор я редко видел Елену. Оглядываясь в прошлое, понимаю, что она была милым ребенком, но для меня она всегда была богиней. Именно она подружилась со мной, когда я был неуклюжим мальчишкой, и не позволяла другим дразнить меня из-за очков. Я скучал по ней, когда переехал, но со временем эти воспоминания померкли.

Теперь я ощущаю ее красоту, словно бурный натиск. В ночи под светом фонарей, ласкающим ее высокие скулы и полные губы, она выглядит поистине неземной. Может, я считал ее богиней в детстве, но сейчас она действительно на нее похожа.

– Я не шпионю, – выговариваю с трудом. Слова звучат хрипло, но, черт подери, она меня удивила. Я опускаю взгляд

на ее ноги и хмурюсь. – Где твои туфли?

– Увидела, как ты тут прячешься, и захотела поговорить. – Она приподнимает пару туфель на таких высоких каблуках, что мои ноги болезненно сводит в знак сочувствия. – Подумала, что ты дашь деру, если услышишь, как я подхожу.

– Я один из людей Афины. Я бы не дал деру, чтобы избежать разговора с тобой.

Она приподнимает уголки губ.

– Полагаю, люди все же меняются.

Меня обдает жаром.

– Удивлен, что ты меня помнишь. – Не знаю, зачем это сказал. Честное слово, не знаю. Это же Елена Касиос. Пускай она по-доброму относилась ко мне, когда нам было по восемь, но это давно в прошлом.

Ее улыбка меркнет.

– Мы были друзьями, Патрокл. Конечно, я о тебе не забыла. Я скучала по тебе, когда ты уехал.

Не могу понять. Судя по голосу, она обижена, но наверняка мне это показалось.

– Что ты здесь делаешь? – Уже знаю ответ, но хочу услышать, как она скажет об этом.

– Подумала, мы с тобой могли бы побеседовать.

– Нам не о чем говорить. – Особенно если мы собираемся состязаться за титул Ареса.

Я не намерен побеждать. Не ставил перед собой такую цель, когда выдвигал свою кандидатуру. Но, прикрывая

Ахиллесу спину, смогу гарантировать, что он дойдет до финального испытания и победит. Разумеется, при благоприятном развитии событий мы с ним останемся вдвоем, и тогда я заявлю о выбывании из испытания, но, зная других претендентов, не уверен, что продержусь так долго. Моя сила – в стратегии, но мне недостает самого важного, чем обладают Ахиллес и другие участники: рвения, которое выводит их за рамки того, чего могут достичь обычные люди.

Честно говоря, шансы Елены я оцениваю невысоко. Но оказавшись среди протее Афины и наблюдая, как работает ее гениальный ум, понимаю, что в Олимпе ничего нельзя принимать за чистую монету. Елена похожа на тусовщицу, которая порхает с вечеринки на вечеринку, красивую птичку в позолоченной клетке. Но я не могу позволить себе думать, что все так и есть.

Готов поспорить, у нее все еще жесткий хук справа.

– Патрокл. – Она произносит мое имя медленно, будто пробует на вкус. – Ты один знаешь, что я выдвинула свою кандидатуру, кроме Афины, конечно. Я бы сказала, что нам есть о чем поговорить.

Несложно догадаться, что она имеет в виду.

– Ты хочешь, чтобы я помалкивал.

– Да. Во всяком случае, пока об этом не объявят на завтрашней церемонии открытия.

Мотаю головой.

– Нет. Возможно, мы когда-то были друзьями, но с тех

пор прошло много времени. Я не желаю тебе зла, но не ты заботишь меня в этом турнире, а Ахиллес.

Она наклоняет голову набок, и у меня перехватывает дыхание от ее совершенной красоты. Я люблю Ахиллеса – люблю с тех пор, как был подростком, но есть в Елене что-то такое, что поражает меня. Она словно королева Старого света, способная вдохновить целые страны отправиться ради нее на войну.

Она стала опасной.

Елена смеется низким смехом.

– То, о чем Ахиллес не знает, ему не повредит. – Ее слова звучат так, будто она пытается меня соблазнить.

Меня тревожит, как сложно оказывается отступить от нее на шаг. Тело борется с разумом, что только усиливает мое беспокойство.

– Прости, Елена, но я ему расскажу. – Прокашливаюсь. – Это все?

– Вообще, еще кое-что. – Она указывает на мое плечо. – Не возражаешь?

– Давай. – Я стою неподвижно, когда она опирается на меня, чтобы надеть одну туфлю, а затем вторую.

Странно осознавать, какая она маленькая. В последний раз, когда она прикасалась ко мне так же, опираясь на мое плечо, чтобы обуться, то была выше меня. Сейчас она на сантиметров пятнадцать ниже. А может, и на все двадцать три, потому что даже на этих нелепых каблуках все равно

вынуждена поднимать голову, чтобы посмотреть мне в глаза. К тому же она стройная, я даже назвал бы ее хрупкой.

– О чем ты думала, ввязываясь в это состязание? – Не собирался задавать этот вопрос. И как мне, черт побери, быть с этим странным порывом ее защитить? Она не ребенок, которому нужна защита. Елене вообще никогда не нужна была моя защита. В конечном счете неважно, почему она делает это. Значение имеет только то, что она спутала возможные варианты развития событий. Ее присутствие повлияет на ситуацию, и мне нужно подумать как именно.

Она ставит ногу на землю и выпрямляется, отрешенно ведя ладонью по моей груди. Я ощущаю ее прикосновение, словно клеймо. Елена будто не осознает, какое влияние оказывает на меня. Она бросает взгляд вдоль улицы.

– Ты счастлив, Патрокл? Ты не стал бухгалтером, как хотел. – Она фыркает и качает головой. – Какой восьмилетний ребенок хочет стать бухгалтером?

Внутри зарождается нежность вопреки попыткам ее подавить. Из возобновления отношений с Еленой, о которой я почти забыл до этого момента, не выйдет ничего хорошего.

– А ты не стала пираткой. Ты счастлива?

– Ты не устаешь быть в тени Ахиллеса? – вместо ответа спрашивает она.

– Нет, – немедленно отвечаю я. – Он слишком дерзкий, слишком импульсивный. Ему нужен тот, кто будет возвращать его на землю.

Одним богам известно, где бы он оказался, если бы я его не прикрывал. Ахиллес по-своему гениален, но временами не видит полную картину или не хочет ее видеть. Он опирается на информацию, которую считает достаточной, чтобы действовать, и немедленно действует. Его напористость и импульсивность пугают и раздражают в равной мере.

– А как же то, что нужно тебе?

Понимаю, что она говорит не обо мне, вовсе нет. Но все же отвечаю честно:

– У меня есть все, что мне нужно. – Почти правда. Меня в самом деле устраивает то, что происходит между мной и Ахиллесом. Наши отношения не назвать традиционными, мы не навешиваем ярлыки и не состоим в официальных отношениях, хотя я не так падок на чужое обаяние, как Ахиллес. Я люблю его. Он любит меня. Мы удовлетворяем друг друга, по крайней мере сейчас. Испытываю ли я тайный страх перед тем, что однажды ему станет меня мало? Что ж, это никого не касается, кроме меня самого.

Не собираюсь признаваться в этом Елене, даже если у нас есть общее прошлое.

– Счастливчик, – бормочет она.

Как та, кто возвращается в высших кругах Олимпа, она ужасно изображает бесстрастное выражение лица. А может, игра теней обманывает меня, заставляя видеть уязвимость там, где ее нет.

– Кажется, у тебя есть все, что нужно. – Знаю, что не стоит

строить никаких предположений. Ахиллес считает, что раскусил Елену и ей подобных, но даже если мои матери ушли из политики, когда я еще учился в начальной школе, я осознаю, что очень немногие в Верхнем городе полностью честны в том, что им нужно и чего они хотят. Открывшись не тем людям, обеспечишь их оружием, чтобы причинить тебе боль.

– В самом деле? – Елена хлопает меня по груди и осторожно отступает назад. – Что ж, наверное, это правда, раз ты так говоришь.

– Елена. – Не хотел произносить ее имя так тихо и строго. Она улыбается, но скорее печально, чем радостно.

– Не всем так повезло как тебе, Патрокл. Любящие матери, которые пожертвовали своими амбициями, чтобы обеспечить тебе безопасную среду для взросления. Парень, служащий заместителем Афины. Многообещающая карьера в ее войсках.

– Похоже, ты много обо мне знаешь.

Она отводит взгляд, а потом снова смотрит на меня.

– Может, время от времени справлялась о тебе все эти годы. Полагаю, ты этого не делал.

Мне не нравится печальное выражение ее лица. Впрочем, не я должен пытаться что-то с этим сделать. Лучше как можно скорее заканчивать этот разговор. Елена слишком сообразительная и не вложит мне в руки оружие, которое смогу использовать против нее, но не скажу того же о себе. Тем

более, когда так странно на нее реагирую.

– Мне не надо было о тебе справляться. Ты постоянно попадаешь в заголовки.

– Что верно, то верно. – Она посмеивается, но ее веселость быстро исчезает. – На этот раз я действительно дам им повод для разговоров.

– Ты не победишь. – Не хочу показаться жестоким, но она все равно вздрагивает. И я продолжаю: – Ты можешь погибнуть. Еще не поздно. Если попросишь Афины вычеркнуть твое имя из списка, она вычеркнет. Никто не узнает, что ты вообще выдвигала свою кандидатуру.

Елена улыбается мне горькой улыбкой, от которой у меня саднит в груди.

– Есть то, ради чего стоит рискнуть жизнью. Удачи, Патрокл. У тебя и так дел по горло с твоим драгоценным придурком. – Она отворачивается и быстрым шагом уходит тем же путем, каким пришла.

Я не собирался сходить с места. У меня есть план, в конце концов. План стоять здесь до рассвета, чтобы убедиться, что мне известны все претенденты, которые хотели скрывать свою личность до церемонии открытия. Или вернуться к Ахиллесу и сообщить об этом новом повороте событий. Но мое тело принимает решение за меня, один шаг сменяется другим, превращаясь в бег, пока не нагоняю Елену.

– Я провожу тебя до машины.

– В этом нет необходимости.

Ноги у меня длиннее, но мне приходится сосредоточиться, чтобы поспевать за ее быстрым шагом.

– На улицах в этом районе безопасно, но ты Елена Касиос. Ты ведь понимаешь, что находясь здесь в одиночку и без охраны, ты подвержена большей опасности, чем обычный человек.

Она бросает на меня странный взгляд.

– Разве ты не заинтересован, чтобы претендент выбыл еще до начала состязаний?

– Нет. – Слово звучит слишком пылко, но сказанного не вернуть. – Не знаю, каково возвращаться в кругах, в которых вращаешься ты, но не верю, что бывают приемлемые потери. Тем более, если их можно избежать.

– Как мило с твоей стороны. – Она смотрит на меня, как на странное существо, которое не видела никогда прежде. Когда заговаривает снова, ее голос звучит почти нежно. – Патрокл, все нормально. Если кому-то хватит ума на меня напасть, я сама могу о себе позаботиться. – Она поднимает крошечный кулачок. – Когда-то я и о тебе заботилась.

Невольно улыбаюсь.

– Ты была грозой детской площадки.

– Как я и сказала, – она опускает руку, – мне не нужно, чтобы ты за мной присматривал.

Может, так и есть. Наверное, она в состоянии постоять за себя, раз уверена в себе настолько, что вступила в состязание. Но я не могу оставить ее одну. Не могу, пока она не бу-

дет в безопасности.

– Все равно. Считай, это благодарность за то, что дала Менелаю в нос, когда он сломал мои очки.

Она вздыхает.

– Стоило ожидать, что твое раздражающее упрямство – единственное, что не изменилось. Таким и надо быть, чтобы делить постель с Ахиллесом. Прекрасно. Идем со мной, если тебе от этого станет лучше.

Меня поражает, что эта Елена отличается от той, о которой постоянно рассказывают сайты сплетен. Различия едва заметны, но у меня есть привычка внимательно изучать влиятельных людей Олимпа. Они все по-своему опасны, и лучше не оказаться застигнутым врасплох кем-то из них.

Образ, который она играет на публике, жизнерадостный, почти в агрессивной манере. Она озаряет каждую комнату, в которую входит, встает слишком близко, смеется слишком громко. Кажется, будто в любом пространстве она становится центром, бросая людям вызов попытаться обойти ее вниманием.

Эта Елена тоже стоит слишком близко, но она более сдержанна. Печальна. Почти уязвима. Она оказалась сложнее, чем я ожидал.

– Ты ведь не знала о браке?

Вместо ответа она переходит в наступление.

– Вы с Ахиллесом в отношениях? Или просто друзья, которые трахаются время от времени?

Я оступаюсь.

– Это тебя не касается.

– Как и тебя не касается, знала ли я об этом браке. – Мы останавливаемся на углу, и она достает телефон в сверкающем чехле. Кажется, в Елене все сверкает. Это нервирует, напоминая о животных, чья яркая окраска сигнализирует, что они ядовиты. Елена поворачивает телефон экраном ко мне. – Машина прибудет через несколько минут. Ты исполнил свой долг. Теперь можешь идти.

Не схожу с места.

– Я останусь, пока она не придет.

– Ладно. – Елена опускает руки, отчего становится невозможно не заметить, как хорошо на ней сидит платье. Настоящее произведение искусства, край которого будто бросает вызов законам физики. Наверняка, под ним есть липкая лента или что-то такое, что не дает ее груди вывалиться наружу.

Ее тихий смех вынуждает меня поднять взгляд. Боги, я пялился на ее грудь. Кожу обдаёт жаром, и я рад, что стою в тени. Надеюсь, это скрывает мой румянец.

– Извини.

– Странно, что я не собираюсь лезть в ваши с Ахиллесом дела. Ты очень красив, а я чувствую себя особенно безрассудной. – Она подходит ближе. Не настолько, чтобы прикоснуться ко мне, но почти. Елена смотрит мне в лицо. – Хочешь поискать со мной приключений, Патрокл? Потом можешь рассказать об этом Ахиллесу... в мельчайших... по-

дробностях.

Представляю, чем бы это все обернулось, будь она кем-то другим, будь ситуация другой, Ахиллеса бы это завело. Обычно ситуация обратная. Он развлекается, а потом рассказывает мне, пока трахает меня или я ублажаю его ртом. Но сам он всегда атакует меня вопросами, когда замечает, как кто-то завладевает моим вниманием. Я давно себе этого не позволял, и при других обстоятельствах он был бы в восторге от такой необычной для меня импульсивности.

Но это?

Слишком похоже на предательство по причинам, в которые мне не хочется вникать. Наконец я мотаю головой.

– Нет. При иных обстоятельствах, но... – Мне плохо от разочарования, омрачившего черты ее лица, плохо до такой степени, что я хватаю ее за руку, подношу к губам и целую запястье. – Прости.

– Как хочешь. – Но она не спешит увеличивать дистанцию между нами или разрывать контакт.

Полное возможностей мгновение тянется, словно тонкая паутина. Отказать Елене – правильно. Я и так слишком сильно реагирую на нее. Порой секс вносит неразбериху, притупляя мой острый ум. Я не могу допустить это сейчас, когда Ахиллес готов заполучить то, ради чего упорно работал и многим пожертвовал. И точно не могу сделать это с женщиной, которая встает на пути его цели.

Если Ахиллес победит, она станет его женой.

Эта мысль пробуждает такую мощную вспышку жара, что я невольно наклоняюсь ближе к Елене. Мы планировали, что этот брак будет фиктивным, но... что, если нет?

Она запрокидывает голову и облизывает губы, не отводя взгляда от моего рта.

– Патрокл.

Боги, от того, как эта женщина произносит мое имя тихо и с придыханием, мне хочется прижать ее к себе и целовать, пока не завладею всецело ее вниманием.

Что со мной происходит, черт возьми?

Раздается гудок, вырывая нас из этого момента. Елена делает шаг назад и разрывает нашу связь.

– Может, в другой раз. – Ее улыбка становится откровенно порочной. – Я передумала. Не храни это в секрете. Уверена, Ахиллес будет в восторге от того, что встретится со мной во всех трех испытаниях.

Если ее способности хоть вполовину так же велики, как и ее высокомерие, вероятно, у нее есть шанс. Я смотрю, как она садится в машину. Свет фар быстро исчезает вдаль, устремляясь в центр города.

Нет никаких сомнений.

Ситуация только что еще более усложнилась.

Глава 5

Ахиллес

Я просыпаюсь, когда Патрокл ложится в постель. Он старается вести себя тихо, но каким бы бесшумным он ни был, я не из тех, кто когда-то спал крепко. Не в детстве и точно не тогда, когда стал солдатом. Я переворачиваюсь и, обняв его за талию, притягиваю к груди. Утыкаюсь лицом ему в затылок. От него пахнет летней ночью... и парфюмом.

Я открываю глаза. Еще темно. На часах три утра.

– Ты рано вернулся.

– Да. – Он так напряжен, что напоминает бетонный блок.

Что-то случилось. Что-то такое, о чем он не хочет говорить.

Но со мной такое не прокатит.

– Патрокл. – Я прижимаю его к матрасу. – Выкладывай.

В темноте плохо видно выражение его лица, но мне это и не нужно. Я знаю его так хорошо, как самого себя. Ощущаю чувство вины, волнами исходящее от него, хотя в этом нет смысла. Ничто из того, что он мог сделать сегодня вечером, не должно вызывать у него вину. У нас не так все устроено.

Наконец он делает глубокий вдох.

– Елена Касиос выдвинула свою кандидатуру.

– Что?!

– Да.

Я качаю головой.

– О чем она, черт возьми, думает? Она пострадает, это разозлит Зевса и Афродиту и в итоге усложнит жизнь новому Аресу.

Мне.

– Я когда-то знал ее.

Это так меня шокирует, что я сажусь.

– О чем ты говоришь? Ты не знаешь Елену Касиос.

– Знал. – Он произносит это так, словно исповедуется. –

В детстве мы ходили в одну школу, пока моя семья не переехала из центральной части города. Мы были... друзьями.

Он ни разу не упоминал об этом за все время, что я его знаю. Понимаю, что должен видеть в этом доказательство, что теперь она для него ничего не значит, но могу сосредоточиться лишь на том, что чего-то не знаю о Патрокле. Я тру лицо ладонью.

– Значит, когда-то давно ты знал Елену Касиос, и она выдвинула свою кандидатуру. – Этого недостаточно, чтобы вызвать у него такое чувство вины. – Что еще случилось?

– Она... – Он прокашливается. – Почти уверен, что она ко мне клеилась.

На Патрокла постоянно вешаются. Он сексуальный, обладает телом солдата и чертовски умен. Любой, кто проговорит с ним хотя бы десять секунд, поймет, что он сокровище. Чаще всего он даже не замечает, как к нему пристают. А когда замечает, то вежливо отстраняется. Очень редко кто-то интересуется его настолько, что он позволяет себя соблазнить и еще реже после этого ведет себя подобным образом. Уверен, такого раньше не случалось.

Мне это не нравится.

И точно не нравится, какие чувства у меня это вызывает.

– Как? – Я не собирался задавать этот вопрос. Это слово падает между нами, словно брошенная перчатка, слишком весомое для трех маленьких букв.

Патрокл напрягается.

– Что?

Я встаю с кровати и нетерпеливо машу ему.

– Покажи мне как.

– Ахиллес... – Он неохотно встает передо мной. Он обнажен и возбужден, и это не должно меня злить, но в этой ситуации все необычно. Патрокл вздыхает.

– Зачем ты это делаешь?

– Хочу знать. – Говорю жестко, но ничего не могу с собой поделать.

Я видел Елену Касиос. Черт, даже разговаривал с ней пару раз, хотя ее вызывающе жизнерадостная манера поведения раздражает меня. Она, несомненно, самая красивая женщина в Олимпе. Она красива настолько, что в ее присутствии можно забыть себя и поступить вопреки собственным интересам. Насколько, что может разжигать войны и разрушать отношения.

Я не позволю ей разрушить наши. Плевать, что она положила глаз на Патрокла. Она его не получит. Он мой.

Патрокл вздыхает.

– Ничего хорошего из этого не выйдет.

– С каких пор мы что-то друг от друга скрываем?

– Ничего не было, Ахиллес. Не понимаю, почему ты ревнуешь.

Ревность. Вот что это за чувство. Оно меня злит. Мне хочется выжечь его огнем. Однако справиться с эмоциями не так легко. Я подхожу ближе к Патроклу, достаточно близко, чтобы ощутить жар, исходящий от его тела.

– Она стояла так же близко?

Он чертыхается.

– Ладно. Давай сделаем это. – Патрокл берет мою руку и кладет себе на плечо. – Она оперлась на меня, чтобы надеть туфли.

Надеть туфли?

Я не успеваю задать вопрос, потому что он крепче сжимает мое запястье и проводит моей ладонью по своей груди.

– А потом она сделала вот так. На этом все. Ты ведешь себя глупо.

Его защитная реакция говорит больше, чем возражения. Патрокл никогда не включает защитную реакцию.

– Ты хотел трахнуть ее.

Он возмущается, и этого мне достаточно. Я провожу костяшками пальцев по его животу и обхватываю его возбужденный член. Он возбужден из-за меня? Из-за нее? Внутри меня пробуждается что-то мерзкое. Я грубо двигаю рукой.

– Она великолепна.

– Будто в Олимпе кто-то еще не знает об этом. – Его дыхание становится прерывистым, пока я продолжаю его поглаживать. – Ахиллес, идем в постель.

Я останавливаюсь.

– Патрокл. – Больше ничего не нужно говорить. Он знает меня так же хорошо, как знаю его я. Он знает, чего я хочу.

Он сжимает мои волосы и прижимается лбом к моему лбу.

– Тебя это не осчастливит.

– А вдруг.

Он издает смешок, хотя звучит это вымученно.

– Ладно. Да, я хотел ее трахнуть. Если бы ей не было суждено стать твоей женой, я бы, возможно, принял ее предложение.

Моей женой.

Я еще не думал о жене, которую получу вместе с титулом. Но в этот момент невозможно не дать волю воображению и не представить, какой могла бы быть первая брачная ночь с Еленой Касиос. Да, она избалованная девица, но я не способен относиться к ней с безразличием. Не думаю, что такие вообще есть среди живущих. Она бы устроила настоящий пожар в спальне. Не знаю, откуда мне это известно, но уверен в этом.

Патрокл целует меня. А может, я целую его. Неважно. Мы пятимся к кровати. Он сжимает мои волосы, гладит меня по спине, обхватывает ладонями ягодицы и сильнее прижимает меня к себе. Невозможно отрицать, в чем причина его безумия, и мы оба это знаем.

Он опускается на колени, и я едва успеваю потянуться к нему, как он обхватывает губами мой член.

– Черт. – Иногда, когда он отсасывает мне, то немного дразнит, мучает медленным скольжением рта и умелого языка, пока у меня не заканчивается терпение, и тогда я бросаю его на кровать и трахаю.

Но сегодня он отсасывает мне иначе. Берет глубоко в рот, пока не касается губами основания. Долгий миг смотрю на

него, но Патрокл закрыл глаза. Он двигается с такой решимостью, что у меня напрягаются яйца. Будто он хочет от чего-то сбежать. Будто пытается доказать что-то.

– Ты отсасываешь мне так, словно за что-то извиняешься. – Я запрокидываю голову и закрываю глаза. – Ты прощен, Патрокл. – Он прав. Он не сделал ничего плохого. Не знаю, почему так реагирую, но понимаю, что это чушь собачья. Его стон в ответ на мои слова только это подтверждает. Он любит меня так же сильно, как я его. Он будет стараться не подвергать наши отношения опасности.

Я верю в это. Правда.

По большей части.

Но на этот раз я не опрокидываю его на кровать. Позволяю ему нести наказание, которого он не заслуживает, потому что знаю, это поможет ему почувствовать себя лучше. Каждое его движение по моему члену ослабляет мою ревность. Не имеет значения, что Патрокл хочет Елену. Черт, я сам ее хочу. Важнее всего, что он здесь со мной.

Я сильнее сжимаю его волосы.

– Сейчас кончу.

В ответ он протягивает руку и обхватывает мои яйца. Он знает, что мне нравится, и что подарит самый сильный оргазм. Я чертыхаюсь и кончаю так сильно, что подкашиваются колени. Патрокл не прекращает сосать. Даже когда мне приходится схватиться за край кровати, чтобы не упасть на пол. Только тогда он отпускает мой член и целует головку.

– Прости.

– Тебе не за что извиняться.

– Мне так не кажется.

Оседаю на пол рядом с ним и прислоняюсь к кровати.

– Я перегнул палку.

– Может, немного.

– Точно перегнул. – Хотя оргазм затуманил мои мысли, ревность никуда не делась. В Олимпе есть множество людей, которых Патрокл мог трахнуть, и я не стал бы об этом задумываться. Но Елена?

Она – совсем другое дело.

– И ты меня прости. – Я протягиваю ладонь. – Плюнь.

– Черт, Ахиллес... – Но он подчиняется. Всегда подчиняется. Патрокл плюет мне в ладонь и наблюдает, как обхватываю его член и начинаю лениво поглаживать. У него такое выражение лица, будто он не может поверить, что я к нему прикасаюсь. Он всегда так реагирует. Мы спим с ним уже около десяти лет, с тех самых пор, как наша дружба завершилась неуклюжими прикосновениями рук и беспорядочными поцелуями, когда нам исполнилось по двадцать.

– Я заглажу свою вину.

– Да ну? – Он слегка улыбается. Но напряжение, сковавшее его плечи, рассеивается. Он опирается на кровать и запрокидывает голову, обнажая горло.

– Да. – Я целую его в шею, не переставая ему дронить. Мне приятно чувствовать его в своей руке, приятно, как он

притягивает меня для грубого поцелуя. Я мог бы и так довести его до оргазма. Делал это уже множество раз. Но этого недостаточно.

Я разрываю поцелуй, не обращая внимания на его возражения, веду губами по его груди и животу, а потом беру его член в рот. Судя по подрагиванию его бедер, он скоро кончит, что меня вполне устраивает. Сегодня я заинтересован в том, чтобы дразнить его не больше, чем он. Я жестко отсасываю ему.

– Твою мать, Ахиллес. Я... – Он не успевает ответить, во всяком случае словами. Он кончает мне в рот, и я со стоном глотаю все до последней капли. Не останавливаюсь. Черт, не останавливаюсь, пока он не тянет меня за волосы, оттаскивая от члена. – Проклятье.

Я быстро целую его в губы.

– Видишь. Не о чем беспокоиться.

– Никогда не говорил, что есть о чем беспокоиться. – Теперь в его голосе слышится улыбка. – Но я извинился, а ты весьма успешно обозначил свои претензии.

– Да. – Улыбаюсь, совершенно не раскаиваясь. – А теперь в кровать.

– В кровать, – соглашается он.

Мы чистим зубы, умываемся и возвращаемся в постель. Когда я прижимаю его к себе, он расслабленный и сонный. Но он все тот же Патрокл. Думаю, единственный способ отключить его мозг – это трахать Патрокла до потери сознания.

ния. Один оргазм едва замедляет его мысли.

Я не удивлен, когда он проводит пальцами по моему предплечью и говорит:

– Я пытался отговорить ее от участия в состязании.

– Не сомневаюсь. – Притягиваю его ближе. – Я так понимаю, все прошло хорошо.

– Нисколько, – вздыхает он. – Это все усложнит.

Обнимаю его крепче, будто могу удержать рядом с собой одной только силой.

– Не усложнит ничего. Мне плевать, что она приставала к тебе. Она под запретом.

– Знаю. – Его голос звучит сухо. – Я говорил о состязании.

Когда награда сама борется за титул, это... хаос.

– О, верно. – Закрываю глаза. – Что бы ни случилось, мы что-нибудь придумаем.

– Всегда такой уверенный. – Он берет мою руку и целует запястье. – Но ты прав. Этого недостаточно, чтобы по-настоящему повлиять на положение вещей. Какой бы ни была Елена, она не воин. У нее нет ни единого шанса против тебя.

В точку.

Не на арене. И не с моим мужчиной.

Глава 6

Елена

Я нервничаю так сильно, что, кажется, меня сейчас вырвет. Неважно, как вчера вела себя с Патроклом (и я отказываюсь раздумывать об этом саморазрушительном поведении), факт остается фактом: у меня возникли сомнения насчет разумности своего решения. Идея казалась хорошей, пока меня захлестывали злость и негодование, пока Калли-

сто распалила меня своими словами. А Афина и глазом не моргнула, когда я заявила к ней в кабинет и выдвинула свою кандидатуру.

Но теперь начинаю сомневаться.

Хотя объявление турнира транслировалось по телевидению, сейчас состоится официальная церемония открытия. Она проходит там же, где проводится турнир, – на арене рядом с казармами. Я расхаживаю между бетонных стен. Слышу гул зрителей, который доносится из сводчатых дверей, ведущих на арену. Уверена, что брат и сестра будут вместе с Афиной в ложе. Претенденты выйдут через арку, расположенную напротив моей, поэтому здесь, к счастью, больше никого нет.

Как только я выйду и провозглашу себя участницей соревнования, обратного пути не будет.

Я подхожу к арке и выглядываю. Здание построено в форме традиционной арены: ровное овальное пространство, которое выглядит обманчиво маленьким на фоне многоярусных зрительских мест, возвышающихся вокруг. Я видела, как ее переоборудовали в сцену для концертов, а зимой в ледовый каток. Сейчас она покрыта слоем песка, на котором выстроились в ряд тридцать шесть невысоких трибун, предназначенных для кандидатов.

Последний Арес питал слабость к арене и регулярно устраивал состязания и турниры, чтобы продемонстрировать мастерство своих людей. Это прекрасное развлечение. Когда

я была маленькой, очень любила смотреть, как его солдаты устраивали учебные групповые бои и одиночные сражения. Вид этих сильных людей на пике боевого мастерства что-то пробуждал во мне.

Возможно, именно тогда я и ступила на этот путь, хотя он был тернистым с самого начала. У моего отца были строгие убеждения, чем должны заниматься его дочери. Любой вид боевых искусств был под запретом. Эрис выбрала балет, и это лишь подтверждает, что она гадина с мазохистскими наклонностями. Впрочем, я немногим лучше, потому как выбрала гимнастику. Я участвовала в соревнованиях, когда училась в старшей школе, но мне никогда не было суждено стать одной из лучших. И все же это позволяло мне поддерживать себя в отличной физической форме. Я продолжала тренироваться даже после окончания школы, а значит, мое тело достаточно сильное для моего телосложения, и выносливость превосходна.

И то, и другое помогло мне, когда я занялась смешанными единоборствами. Шести месяцев, конечно, недостаточно, чтобы овладеть ими в совершенстве, но со знанием основ и моими физическими данными я справлюсь. Надеюсь.

Но теперь все это теория. У меня есть представление, какими будут испытания, поскольку они, похоже, проходят по одному сценарию каждый раз, когда сменяется Арес, но переменных факторов слишком много. К тому же о чем действительно стоит беспокоиться, так это о самих боях.

Свет тускнеет, толпа начинает реветь. Я слежу за лучом прожектора, который освещает моего брата и Афины, стоящих в ложе. На нем безупречно скроенный костюм из ткани правильного серого цвета, который подчеркивает светлый тон его кожи. На Афине костюм-тройка насыщенного бордового цвета с плечиками такими острыми, что кажется, можно порезаться.

Если Персей и обеспокоен моим отсутствием, то никто из тех, кто не знаком с ним лично, не понимает этого, но я знаю его достаточно хорошо и замечаю, что его глаза стали ледяными. Если моя публичная маска вызывающе жизнерадостная, то у Персея – это что-то противоположное. Чем больше чувств он испытывает, тем меньше их показывает. Сейчас на его лице застыло каменное выражение. Он в ярости.

Каллисто стоит возле Персея, а Эрис рядом с Афиной – обе в черных платьях. Безупречная, сплоченная четверка. Все места в ложах, окружающих арену, заняты Тринадцатью, но сейчас никого из них не показывают на огромных экранах, развешанных повсюду.

Мой брат поднимает руку, и вся арена замолкает.

– Состязания начнутся послезавтра. А сегодня вы познакомьтесь с кандидатами. – Он бросает взгляд на Афины. – Но сперва давайте выразим признательность женщине, которая руководит этим мероприятием. Афине. – Он вежливо хлопает, а арена приходит в исступление.

Афина одна из тех среди Тринадцати, кто обычно избе-

гает внимания общественности. Как командующая спецвойсками Олимпа, она предпочитает держать свою работу в тайне.

Ее нежелание красоваться перед камерами породило нечто вроде культа. Существуют целые форумы, где люди пишут, что хотели бы, чтобы она обошлась с ними пожестче, или выкладывают фанфики обо всех Тринадцати, но в особенности о ней. Афина предпочитает делать вид, будто этого не существует, но она все же остается одной из самых популярных среди Тринадцати.

Она делает взмах рукой со спокойным выражением лица. Радостные крики толпы тут же стихают, словно кто-то выключил звук. Впечатляюще. Возможно, она нечасто выступает на публике, но обладает необходимой для этого харизмой и силой. Афина обводит арену взглядом.

– Что ж, начнем? Хорошо. Первый боец – Парис Хлорос.

Желудок сводит, я вздрагиваю и смотрю, как мой бывший появляется из противоположной арки и машет толпе, направляясь к невысокому подиуму. На экранах мелькают ролики о нем с различных сайтов сплетен, и мне становится дурно, когда замечаю, что на многих из них я тоже присутствую. Неприятное ощущение в животе усиливается от того, какой счастливой я выгляжу на этих видео. На некоторых из них ложь (иметь дело с папарацци означает научиться демонстрировать тот образ, который хочешь предложить общественности), но поначалу я в самом деле была счастли-

ва с Парисом, пока не осознала, что мой славный парень был еще большим лжецом, чем я.

Парис предоставил эти видеозаписи. Знаю это, потому что меня попросили сделать то же самое для моего выхода. Что он, черт побери, пытается доказать? Это ведь не попытка меня вернуть? Я мотаю головой. Нет, в случае с Парисом это скорее способ напомнить всем, что я была его женщиной, прежде чем стать женой следующего Ареса. Я вздрагиваю. Я не без причины порвала с ним и скорее совершу убийство, чем подпущу его к себе.

Я считала, что он единственный человек в Олимпе, которому могу доверять. Я призналась ему в своих сомнениях и страхах. Но вместо того чтобы помочь мне, он усилил их, а потом вонзил нож в мое сердце, и все это с улыбкой на красивом лице.

К тому времени, когда порвала с ним, он жестоко подавил мои желания и разрушил большинство моих дружеских связей. Я не осознавала, что он изолировал меня от всех, пока наши отношения не закончились, и я не оказалась совсем одна.

– Наш второй боец – Гектор Хлорос.

Я невольно улыбаюсь, когда Гектор с легкостью шагает по песку и встает на вторую платформу. Все хорошие гены в этой семье достались старшему брату, что подтверждает его видеозапись. Девяносто процентов ролика посвящены ему, его жене Андромахе и их дочери. Если бы он оказался здесь

с намерением победить, то это был бы странный выбор, но видеозапись похожа на заявление совсем иного рода. Он выпадает, чтобы поддержать Париса.

Это станет проблемой.

Разумеется, претенденты могут объединяться, но я была так сосредоточена на том, как обхитрить свою семью, чтобы добиться своего, что не задумывалась ни о чем, кроме того, каким образом попасть на турнир и принять участие в испытаниях. Однако теперь, когда думаю об этом...

Мне стоит беспокоиться о трех парах, которые гораздо опаснее, чем остальные бойцы: Гектор и Парис, двое незнакомцев, которые прибыли вместе и Ахиллес с Патроклом. Аякс, скорее всего, объединится либо с Гектором, либо с Ахиллесом, судя по их общему прошлому. Возможно, даже с Аталантой, и тогда возникнет четвертая пара, с которой мне предстоит иметь дело. Каждый из этих бойцов – сам по себе серьезный противник. А вместе? Все только что стало куда сложнее.

– Черт, – бормочу я.

Может, мне удастся поговорить с Аталантой, пока Аякс и остальные не успели предложить ей объединиться, чтобы вместе пройти первые два испытания. У меня будет мало времени, чтобы применить свое обаяние, к тому же я совсем ее не знаю, но, надеюсь, женской солидарности достаточно, чтобы все сработало в мою пользу.

Я морщусь. Маловероятно.

Пока меня мучают сомнения, Афина продолжает представлять кандидатов. Они выходят один за другим. Некоторые плетутся в одиночестве, ссутулив плечи, явно оказавшиеся здесь не по своей воле. Другие важно вышагивают, махая толпе. Я знаю большинство из них в лицо, но, очевидно, назвав Париса и Гектора, Афина приберегает имена настоящих претендентов напоследок.

И конечно, следующими оказываются Аякс и Аталанта. Затем выходят Минотавр (серьезно, что это за имя?) и Тесей. Встав рядом с остальными, они выглядят еще крупнее. Гектор и Аякс – серьезные бойцы, но эти двое на несколько сантиметров выше и на пару килограммов крупнее их. А это значит, что они мощнее остальных. Будем надеяться, это означает, что они к тому же медлительны, и нам удастся одолеть их на первом состязании.

– Патрокл Фотос.

Мой взгляд вновь устремляется к противоположному выходу, из которого выступает Патрокл. Остальные оделись так, чтобы произвести впечатление, а на нем джинсы и белая футболка. Будто он хочет быть где угодно, только не здесь, и это по-своему мило. Я невольно сравниваю его с мальчишкой, которого когда-то знала, милым, тихим, отъявленным ботаником. Он выглядит иначе, но все же кажется знакомым. Не говоря уже о том, что он стал очень сексуальным мужчиной. Никто, взглянув на него, не сочтет его легкой добычей, с такими широкими плечами и большими руками. А еще он

чертовски умен. Я видела, как он лихорадочно думал, когда оказался так близко ко мне. Мои вкусовые предпочтения в последнее время стремятся к красивому и банальному, но не могу отрицать, что с удовольствием вывела его из равновесия.

И хочу сделать это снова.

Очень хочу.

– Ахиллес Каллис.

У меня невольно перехватывает дыхание при виде Ахиллеса в темно-синем костюме. Он чертовски привлекателен и знает об этом. Шагает по песку с почти неистовой решимостью. И почему это так сексуально? Такого человека я бы выбрала в прошлом, и именно такой рассматривал бы мою близость к Зевсу как инструмент, который можно использовать для своей выгоды. Парис так и поступил. Я почти ощущаю решимость и тщеславие Ахиллеса.

Остальные опасны, но он хочет победы больше всех.

Как и я.

Как только аплодисменты стихают, на губах Афины появляется легкая улыбка.

– И наш последний претендент: Елена Касиос.

Воцаряется хаос, а я разглаживаю подол короткого золотистого платья и выхожу на арену. В конечном счете неважно, что большая часть жителей Олимпа думает о ком-то из кандидатов, потому что победитель станет Аресом. И только дурак не стал бы выслуживаться перед претендентами с

самого начала. Очевидно, Ахиллес думал об этом, но у него нет такого опыта в манипулировании общественным мнением, как у меня.

Я подмигиваю и посылаю воздушный поцелуй в наведенную на меня камеру, запись с которой транслируется на большие экраны. Слышатся одобрительные возгласы. Прекрасно. Я машу и иду к своему подиуму. Грациозно вышагивать по песку на каблуках сложнее, чем кажется, но я, можно сказать, живу в туфлях на пятнадцатисантиметровых шпильках и делаю вид, будто это просто.

Ахиллес, пока я не успела дойти до подиума, спрыгивает вниз и подходит ко мне. Напрягаюсь, но мне удается сохранить улыбку. Неужели он попытается мне помешать?

Этот говнюк улыбается и протягивает мне руку.

– Приятно видеть тебя здесь, принцесса.

Я отвечаю сквозь стиснутые зубы:

– Ты ведь не думаешь, что мне нужна помощь, чтобы подняться на возвышение высотой в тридцать сантиметров?

Его обаятельная улыбка не сходит с лица.

– Все любят джентльменов.

О да, Ахиллес точно знает, как играть в эту игру. Я бы удивилась, что у солдата-сироты публичный имидж лучше, чем у некоторых знакомых мне детей Тринадцати, но я слишком раздражена, чтобы отдать ему должное. Одним жестом он снова превратил меня в светскую дамочку. Не получится проигнорировать протянутую мне руку, иначе буду выгля-

деть как мерзавка, чего не могу себе позволить в самом начале игры.

Я кладу свою ладонь в его, трепеща от того, насколько он крупнее меня, даже когда поднимаюсь на подиум и оказываюсь выше него. Он долго не отпускает мою руку и обводит меня внимательным взглядом, который кажется одобрительным, но не вульгарным.

– Знаешь, вчера вечером думал, что заполучить тебя в жены – это как неминуемые издержки.

– Ты не получишь меня в жены, – фыркаю я.

– Еще как получу. – Его улыбка становится шире, темные глаза загораются чувством, которое можно принять за желание. – Ты не победишь, принцесса. Лучше передумай и сохрани свое красивое личико нетронутым. Брак со мной будет не так уж плох, поверь.

Я сердито смотрю на него.

– Убери от меня свои руки.

Он с легкостью отпускает меня, одаривает толпу победоносной улыбкой и запрыгивает обратно на свой подиум. Клянусь, я почти слышу, как люди на трибунах падают в обморок, отчего кровь во мне мчится быстрее. Возможно, именно по этой причине я забываюсь и смотрю в ложу, где стоит мой брат. Даже отсюда чувствую его суровый взгляд, хотя брата не показывают ни на одном из экранов. Мне приходится подавить дрожь.

Отступить поздно. Сам Зевс не может отстранить канди-

дата после того, как его имя было названо. С этого момента мы все будем изолированы от остальных. Чтобы избежать вмешательства и попыток жульничества, но для меня это означает, что брат с сестрой не смогут неожиданно заявиться и уговорить меня отказаться. Единственный из Тринадцати, кто может свободно посещать городок участников, – это Афина.

Она машет рукой в нашу сторону.

– Поприветствуй своих бойцов, Олимп.

Крики и аплодисменты звучат так громко, что чувствую, как вибрирует арена. Ощущение ошеломляющее. До этого момента мое взаимодействие с публикой происходило через тщательно подобранный фильтр. Я личность с публичным образом, которая часто мелькает на MuseWatch, местном сайте сплетен. Но я никогда не делала ничего подобного. Соревнования по гимнастике, в которых участвовала, происходили при закрытых дверях – такое условие ставил отец, если я собиралась участвовать в соревнованиях. Разумеется, это не принесло мне друзей.

«Надеюсь, ты сейчас это видишь, отец. Из Тартара или какой-то другой дыры, в которую тебя решила засунуть вселенная. Надеюсь, там темно и ужасно, и ты сильно страдаешь».

Потом все происходит быстро. Несколько человек, одетых в форму спецвойск Афины: черные штаны и рубашку с изображением парящей совы на правом плече, – выходят и провожают нас ко входу, через который раньше прошли на арену

участники. Ахиллес не пытается подать мне руку, чтобы помочь спуститься, и это к лучшему, потому что сомневаюсь, что сумею сохранить невозмутимое выражение лица.

Претендентов ведут по бетонным коридорам, через раздевалку в зал ожидания с выходом наружу. Самый высокий солдат провожает нас к стоящим в ряд фургонам с тонированными окнами.

Я приподнимаю брови.

– А это не слишком?

В ответ он открывает передо мной дверь и одаривает непроницаемым взглядом.

– Это ваш выбор.

На самом деле это не выбор. Но несоблюдение протокола означает, что меня отстранят еще до начала испытаний. Я вздыхаю и забираюсь во второй фургон. Мне не приходит в голову, что стоило обратить внимание, куда садятся остальные, и в соответствии с этим выбрать место. Когда меня посещает эта мысль, Парис уже залезает в мой фургон и садится рядом. Следом заходит Гектор со спокойным выражением красивого лица. Аталанта завершает нашу четверку, ее волосы убраны от покрытого шрамами лица.

Парис наклоняется ко мне, его лицо настолько безупречно, что у меня возникает внезапное желание сломать ему нос, чтобы придать его чертам немного характерности. Хотя я не имела ничего против его красивого лица, когда мы встречались. Именно оно завлекло меня. Он чуть улыбается,

и у меня по коже бегут мурашки.

– Елена, что ты делаешь?

– Не уверена, что понимаю о чем ты, Парис. – Как бы ни пыталась контролировать свой голос, от близости Париса слова звучат напряженно.

Его улыбка становится шире, в глазах появляется сочувствие.

– Понимаю, что ты была не рада оказаться наградой победителю, но ты зашла слишком далеко, тебе так не кажется? Ты опозоришь себя и, что важнее, свою семью.

Невольно напрягаюсь.

– Что, прости?

– Не пойми меня неправильно. Ты выглядишь чертовски сексуально в этом маленьком золотом платье, как принцесса. – Он издает одобрительный вздох. – Но не рассчитываешь же ты, что пройдешь хотя бы первое испытание. Ты для этого слишком изящная.

Изящная. Еще одно слово, обозначающее слабость.

Я отворачиваюсь от него.

– Это не твое дело, Парис. Беспокойся о себе.

Он смеется.

– С нетерпением жду, когда стану твоим мужем, Елена. Это даст нам новый старт, который так нужен.

Кажется, слышу вздох Гектора, но не уверена. Вот в чем особенность Париса: для всех, кто его не знает, речь, произнесенная обаятельным уверенным тоном, звучит вполне ра-

зумно. В самих словах нет ничего ужасного. Он сохранял такое же терпеливое выражение лица, когда трепал мне нервы во время наших ссор, пока я не превращалась в визжащее чудовище. Он заставлял меня чувствовать себя сумасшедшей, и это ощущение возникает вновь всякий раз, когда я вынуждена с ним общаться.

– Давай кое-что проясним, Парис. – Я сохраняю легкий любезный тон, хотя мне хочется кричать. – Если ты думаешь, что, завоевав титул Ареса, получаешь права на меня, ты не переживешь первую же попытку прикоснуться ко мне без моего согласия.

Он улыбается, ни капли не испугавшись. Не могу поверить, что когда-то считала его настойчивость сексуальной. Мне потребовалось больше времени, чем готова признать, чтобы осознать, что между ухаживаниями и преследованиями существует тонкая грань. У Париса есть неприятная привычка слышать только то, что он хочет.

– Если мы поженимся, у меня будет уйма времени, чтобы тебя обольстить. Раньше тебе нравилось то, что мы делали вместе, Елена. Понравится снова.

Аталанта фыркает. Она закидывает ногу на ногу и приклоняется к стенке фургона.

– Пойми намек, красавчик. Она уже готова выпрыгнуть из фургона, лишь бы убраться от тебя подальше.

Она права, но мне не нравится, что я настолько открыта. Обычно мне лучше удается сохранить бесстрастное выраже-

ние лица. Я поднимаю подбородок.

– Я вполне способна сама себя защитить.

Аталанта отвечает беззаботной улыбкой.

– Возможно, но я женюсь на тебе, когда стану Аресом. Я была бы плохой женой, если бы не защищала тебя от подобных подонков.

– Никому не нужно защищать Елену от меня. – Парис наклоняется, вторгаясь в мое личное пространство. Я чувствую запах его одеколона, и у меня сводит желудок.

Улыбка Аталанты становится резкой.

– Прикосновение к ней без ее согласия – это насилие. А за насилие тебя отстранят.

Парис отстраняется, тихо чертыхнувшись, но я рада, что снова могу дышать. Не знаю, как не учла этого, пока пыталась привести свой план в действие. Выступив в качестве кандидата, я оказываюсь среди людей, которые намерены на мне жениться. Я как приманка для акул, брошенная в воду, чтобы своим присутствием довести их до исступления. Черт.

Глава 7

Ахиллес

Подозреваю, что нас вывозят из города, как и предполагал Патрокл, и это подтверждается, когда открываются двери фургона и нам открывается вид на несколько больших зданий, окруженных деревьями. Вдали слышен тихий шум океана, говорящий, что мы оказались на побережье к северу от Аграрного района. И если двигаться на запад, то окажешься

в фермерских землях, за которые отвечает Деметра.

Аякс, тяжело дыша, вылезает из фургона. Он не замолкал с тех пор, как мы уселись. В этом весь Аякс. Но мне все-таки хочется заткнуть ему рот кляпом, чтобы оказаться в тишине. Он тихо присвистывает, оглядывая окрестности.

– Стены высокие.

Я слежу за направлением его взгляда. И вижу среди деревьев ограду метра три высотой. Она охватывает всю территорию, обеспечивая участникам безопасность. Скоро у нас начнут брать интервью и последует прочая хрень – скорее всего, после второго испытания, когда слабые бойцы отсеются и останутся лишь несколько претендентов. От этой мысли у меня напрягаются плечи. Я могу притворяться, и весьма хорошо, когда это необходимо, но Афина знала, когда не отправляла меня на задания, которые требовали ходить на цыпочках.

Я разрушающий все на своем пути таран. Патрокл – политик. Он всегда знает, какой шаг сделать, и что сказать.

Патрокл... и человек, который сейчас направляется прямо к нам. Беллерофонт¹ отличается высоким ростом, у него

¹ Беллерофонт в романе – небинарная личность, т. е. человек, который не отождествляет себя ни с мужским, ни с женским полом. Поэтому в описании такого человека используется местоимение «они», а также множественное число в глаголах прошедшего времени и прилагательных. Однако в репликах от первого лица, говоря о себе, такой человек употребляет местоимение «я». Местоимение «они» употребляется не в привычном для нас значении, отражающем множественное число, а в качестве аналога местоимения, которого в русском языке не существует. Так получаются непривычные конструкции, например, «они ра-

смуглая кожа и густые черные кудри. Они превосходит меня в стрельбе, но уступает в рукопашном бою. Я могу одолеть их в девяти случаях из десяти, но они ловкие несмотря на их рост.

А еще они мой друг, хотя сейчас это не имеет значения.

Беллерофонт останавливается перед нашей группой.

– Вот основные правила. – У них ровный и глубокий голос. – Вам будут предоставлены индивидуальные комнаты в трех общежитиях. Общайтесь, если хотите, но не пытайтесь причинить вред кому-то из участников. В противном случае вы будете незамедлительно дисквалифицированы. – Они по очереди встречается с каждым взглядом. – Мы пришли к пониманию?

В ответ раздается утвердительное ворчание, что, по всей видимости, удовлетворяет Беллерофонта.

– В каждой комнате вывешено расписание столовой, часы работы спортзала, а также план общественных пространств. Если у нас не окажется того, что нужно вам для тренировок, я позабочусь, чтобы это обеспечить. Первое испытание состоится послезавтра, поэтому рассчитываю, что вы найдете, чем себя занять, не становясь занозой в моей заднице. – Они поворачивается и идет к парадной двери. – А теперь мы проводим вас в ваши комнаты.

Они указывает на двух людей у себя за спиной.

– Ты возьми треть справа. Ты – центр. Все, кто слева, пой-

дут со мной. – Они машет рукой мне, Патроклу, Елене и еще шести людям.

Странно, как группа крупных бойцов идет за Беллерофонтом, словно выводок утят. Что ж. Группа бойцов... и Елена Касиос.

Хотя Патрокл заранее меня предупредил, я все же испытал шок, когда увидел ее. Был уверен, она струсит и отступит. Что избалованная принцесса сможет сделать против таких соперников? Она не такая, как Аталанта. Аталанта – одна из подчиненных Артемиды. Эта женщина боец и яростно сражается. Ее нельзя недооценивать.

А Елена?

Это другая история.

– Хватит сверлить меня взглядом, – бормочет Патрокл.

Я перевожу на него свирепый взгляд. Мы не состоим в официальных отношениях и никогда не состояли. Нас устраивает то, что происходит между нами, и мне не хочется ничего менять... Но я испытываю противоречивые чувства от того, что он едва не согласился на предложение Елены прошлой ночью. Он не из тех, кто поддается эмоциям и низменным желаниям, но почти отбросил осторожность и пошел вразрез с нашими интересами ради возможности затащить Елену в постель. Поэтому она становится опасна, и это не имеет ничего общего со сражением.

– Хватит пялиться на задницу Елены, – шепчу в ответ.

Он приподнимает брови, и от его молчаливого осуждения

я раздражаюсь еще больше. Патрокл придерживает для меня дверь и входит следом в тускло освещенное общежитие. Я едва замечаю дорогую мебель и со вкусом оформленные комнаты. Перед глазами только обтянутые золотой тканью бедра и задница Елены, которая идет впереди. Не сомневаюсь, она намеренно покачивает ими, чтобы помучить меня за то, что я устроил на арене.

Я не стану извиняться. Увидел возможность и воспользовался ею. Все так просто. Больше и говорить не о чем.

– Ахиллес, возьми себя в руки.

Обычно я поддаюсь успокаивающему влиянию Патрокла. Но сейчас мне хочется толкнуть его в какую-нибудь комнату и трахать, пока не останусь единственным, о ком он думает. Боги, из-за всего этого я тронулся умом. Думал, что худшее случилось прошлой ночью, когда шок соединился с ревностью, и у меня закружилась голова. Видимо, я ошибался. Мне нужно сосредоточиться на предстоящих испытаниях и готовиться к ним, но я могу думать только о том, как эти двое окажутся вместе.

Вышло бы потрясающее зрелище. Черт, будь на месте Елены кто-то другой, я бы уговорил Патрокла переспать с ней и позволить мне смотреть... а может, даже немного поучаствовать. Но она не кто-то другой.

Она Елена Касиос.

Прекрасная принцесса Олимпа.

Сестра Зевса и Афродиты. Будущая жена Ареса.

О том, чтобы трахнуть ее, не может быть и речи. Да и о том, чтобы приближаться к ней тоже, и это усложняет ситуацию, потому что кто-то выбьет ее из состязания, а это значит, что между ней и тем, кто это сделает, разразится вражда. Нельзя, чтобы им стал я. Черт, да и Патрокл тоже, потому что он всегда был частью моей жизни и останется даже после того, как я стану Аресом. Начинать вражду между ней и нами – ужасная затея.

Елена поставила всех участников в дерьмовое положение, и, похоже, ей наплевать. Это в точности соответствует тому, что я о ней знаю. Эгоистичная избалованная принцесса. Она решила, что не хочет становиться наградой, устроила истерику и вступила в состязание, хотя уступает остальным по всем параметрам. У нее нет ни единого гребаного шанса на победу. И честно говоря, меня это бесит.

Она меня бесит.

– Хватит так смотреть, – повторяет Патрокл.

– Никто не видит.

Беллерофонт сворачивает в коридор с тремя ответвлениями. Они указывает в первое.

– Три человека сюда. Комнаты выбирайте сами, но особо не заморачивайтесь. – Мы ждем, когда трое зайдут в короткий холл с двойными дверями по обеим сторонам, а затем подходим ко второму ответвлению. – Еще трое.

Все происходит очень быстро. Они вызываются, и остаемся мы. Я, Патрокл, Елена. Черт.

– Последние трое.

Не глядя ни на кого, Елена шагает по коридору. Меня выводит из себя, насколько она великолепна. Ее короткое золотистое платье будто создано, чтобы ловить каждый луч света, облегая ее тело и подчеркивая округлую задницу. Насколько помню, она занималась гимнастикой или подобной хренью. Смотря на ее тело, легко в это верю.

Еще вчера я бы сказал, что в моем влечении к ней нет ничего плохого.

Я собираюсь на ней жениться, в конце-то концов. Влечения достаточно, чтобы проникнуться симпатией друг к другу, и у нас тогда смогло бы что-то получиться.

Теперь я уже не так уверен.

Елена оглядывается через плечо и приподнимает брови, когда я перевожу взгляд на ее лицо.

– Эта – моя, – Она открывает среднюю дверь и заходит внутрь, а затем захлопывает ее со щелчком, который будто ставит точку.

Она намеренно выбрала эту комнату, чтобы разделить нас? Сомневаюсь. У нее милая улыбка, но она явно не очень сообразительна, раз здесь оказалась.

Беллерофонт скрещивает руки на груди.

– Возникли проблемы с распределением комнат?

– Нет, – быстро отвечаю я. Слишком быстро.

Они окидывает меня долгим взглядом.

– Не знал, что у вас с Еленой общее прошлое.

– У меня нет. У нас нет. – Плевать, что Патрокл когда-то играл с ней в песочнице. Это было давно и уже кануло в Лету. У него не может быть никаких чувств к ней. – Все нормально.

– Нормально. – Патрокл кивает. – Распределение комнат ничего не меняет.

В том-то и проблема: у моего мужчины был план, и в этот план не входило состязание с Еленой Касиос. Зная Патрокла, понимаю, что ему нужно побыть в тишине, чтобы собраться с мыслями и разработать новую стратегию. Ему лучше думать, когда я не «стою над душой», как он говорит.

Я киваю.

– Скоро приду.

– Ахиллес. – Он смотрит мне в глаза. – Не совершай импульсивных поступков.

Смеюсь и выдаю свою самую обаятельную улыбку.

– Я? Импульсивные поступки? Никогда.

– Ага. – Патрокл качает головой и, подойдя к двери справа от нас, исчезает за ней.

Как только он уходит, я поворачиваюсь к Беллерофонту.

– Афина здесь?

– Нет. – Они опускает руки. – А если бы и была, она не станет отчитываться перед тобой, и у нее свои причины позволить Елене участвовать. Слишком поздно что-то с этим делать, остается идти вперед. Не своди глаз с цели, Ахиллес. Мы все болеем за тебя.

Конечно, они за меня болеют. Если я стану Аресом, то установлю мирные отношения между Аресом и Афиной, которых не было много десятилетий. Всякий раз, когда эти двое работают вместе, получается, что они соревнуются за одни ресурсы. Арес обеспечивает безопасность большинства Тринадцати, а Афина возглавляет спецвойска. Оба подчиняются Зевсу напрямую, и последний Зевс любил сражаться друг с другом. Правление нынешнего обещает быть более спокойным, но если один из бывших людей Афины получит титул Ареса, ситуация станет еще более стабильной. – Будет сделано. – Я подталкиваю их в плечо. – Я же лучший, в конце концов.

– Да-да, – фыркает они. – Отдохни и постарайся не влезать в неприятности. – Беллерофонт колеблется. – И не спускай глаз с Минотавра и Тесея. Похоже, они обещают немало проблем.

– Мне тоже так кажется. – В Олимпе редко появляются чужаки, ведь попасть сюда, как и выбраться отсюда, непросто. Барьер окружает город и прилегающие к нему территории, и он достаточно протяженный, чтобы охватить сельскохозяйственные земли, за которые отвечает Деметра. Я так и не получил вразумительный ответ, почему Посейдон и несколько избранных могут свободно его пересекать. У Патрокла свои теории, и они основываются на родословных, но все это вне моей компетенции. Как бы там ни было, я родился в Олимпе и здесь оставлю свой след. Мне плевать на остальной мир за

пределами города.

Я поглядываю на дверь, за которой скрылась Елена. Мне нужно переговорить с маленькой принцессой. Взгляд, который бросаю на дверь Патрокла, совсем не виноватый, но все же невольно испытываю чувство вины, когда легко стучу в дверь Елены. Патрокл просил вести себя прилично, и я не сомневаюсь, что он бы не одобрил разговор, который собираюсь начать.

Если существует малейший шанс заставить Елену отказаться от участия в состязании, я должен попытаться. Для всех будет лучше, если она не станет соревноваться, – даже для нее самой. Патрокл согласился бы с такими доводами... Наверное.

Елена открывает дверь, но не отходит в сторону. Она не удивлена меня видеть.

– Ахиллес.

– Нам нужно поговорить. – Вот так. Вежливо и бесстрастно.

Она рассматривает меня, а потом уходит в комнату, оставив дверь открытой.

– Тебе стоит знать: если попытаешься что-то сделать, я заставлю тебя пожалеть об этом.

Вхожу в комнату, стараясь случайно не коснуться Елены. Я крупный парень, и мне не стыдно признаться, что в прошлом использовал свои габариты, чтобы запугивать людей. В конце концов, это было частью моей работы, но сейчас я

пришел не за этим. Знаю это, но могу удержаться.

– И что ты будешь делать, принцесса? Наступишь мне на ногу своей острой шпилькой? Это не остановило бы ни одного здесь.

– Хмм. – Елена закрывает дверь и прислоняется к ней, разглядывая меня. Может показаться, будто она и правда оценивает меня как противника. – Острые шпильки могут здорово покалечить другие части твоего тела. – Она многозначительно смотрит на мои бедра.

У меня вырывается удивленный смешок.

– Хотел бы посмотреть, как ты попробуешь это сделать.

– Не искушай меня.

Разговор проходит совсем не так, как ожидал. Прекрасная принцесса Олимпа должна была упасть в обморок при первой угрозе, какой бы завуалированной она ни была. А эта женщина похоже готова исполнить свое обещание и вонзить острый каблук мне в мягкое место.

Я невольно подхожу ближе.

– Думаешь, можешь одолеть меня.

– Малыш, я знаю, что могу. – Елена идет мне навстречу, встает в уверенную позу и почти бросает мне вызов рискнуть и сократить оставшееся между нами расстояние. Она окидывает меня взглядом с ног до головы, и не думаю, что мне лишь почудился огонь в ее янтарных глазах. – Чем больше шкаф, тем громче падает.

– Можно подумать, мне не под силу раздавить тебя одной

рукой. – Что, черт побери, я творю? Угрожаю этой женщине? И дело даже не в том, что она женщина. Я не верю в этот бред, что с женщинами не дерутся, тогда как очевидно, что они способны быть опасными врагами. Любой, кто недооценивает Афины, едва успевает дожить до момента, когда пожалеет об этом.

Но не ожидал встретить врага в лице этой женщины. Даже учитывая, что она моя соперница. Враг – слишком сильное слово, но как еще мне ее назвать? Она хочет отнять у меня то, чего желаю сильнее всего на свете, титул, за которым гнался всю жизнь. Враг – единственное определение, которое точно ее описывает.

Елена облизывает губы.

– Так докажи.

Я упираюсь рукой в дверь возле ее головы. Нависаю над ней, и даже когда голос, похожий на голос Патрокла, шепчет, что это ошибка, что я обещал держаться от нее подальше, кажется, я не могу ударить по тормозам.

– Ты не победишь в этом состязании, принцесса. Ты не станешь следующим Аресом. Черт, да ты, наверное, и первое испытание не пройдешь. Твой маленький бунт милый, но совершенно бессмысленный. Твоя судьба – стоять на подиуме и приветствовать своего нового супруга, когда он победит. – Я ухмыляюсь. – Приветствовать меня, когда я стану новым Аресом.

Если бы не наблюдал за ней так пристально, то не заметил

бы, как она слегка вздрагивает. Мою грудь сдавливают что-то похожее на чувство вины, но я не обращаю внимания. На карту поставлено нечто большее, чем чувства этой женщины.

– Уезжай. Возвращайся в модный пентхаус к своим красивым платьям. Ты пострадаешь, если останешься здесь.

Елена прислоняется к двери, увеличивая расстояние между нами на пару сантиметров, но ее волосы касаются моих пальцев, и у меня возникает нелепое желание пододвинуть руку чуть ближе. Она поднимает голову, смотря свысока, хотя сама гораздо ниже меня ростом.

– Ты причинишь мне боль, Ахиллес?

– Я этого не хочу. – Это правда. Мне не доставляет удовольствия побеждать противников, которые физически слабее меня. Но не могу заботиться о чести, когда ставки так высоки. – Но да, причиную.

Она прищуривает свои красивые глаза.

– А Патрокл? Думаешь, он тоже причинит мне боль?

Не нужно быть гением, чтобы прочесть ее намеки. Я наклоняюсь, пока не оказываюсь лицом к лицу с ней, поступая как полный придурок.

– Оставь его в покое, принцесса. Мне плевать, если ты когда-то его знала. Больше не знаешь. Он не такой, как мы. Он слишком многое чувствует, и ты разобьешь его нежное сердце, если неосторожно коснешься его. – Черт, этого тоже говорить не собирался. Я выпрямляюсь. – Серьезно, Елена.

Оставь его в покое.

Она отвечает мне ленивой улыбкой, и в моей голове начинает звучать сигнал тревоги.

– Он рассказал тебе о вчерашней ночи?

– Это тут при чем?

– Ахиллес. – Она качает головой, будто я ребенок, который ее разочаровал. – Малыш, похоже, ты ревнуешь. Если твои отношения (неофициальные отношения) с Патроклом так крепки, кого волнует, если я трахну его так, что он забудет собственное имя? – Выражение ее лица становится задумчивым. – А может, трахну его так, что он забудет твое имя. Вот так фокус вышел бы.

– Черт подери, держись от него подальше, Елена.

Она опускает ладонь мне на грудь и давит, пока я не делаю шаг назад, а потом еще один. Воспользовавшись возможностью, Елена открывает дверь.

– Славно поболтали, Ахиллес. Надо будет как-нибудь повторить.

Ясно, что она прогоняет меня, не дав при этом обещания не приближаться к Патроклу или отказаться от участия в турнире. Я бы рассмеялся, если бы не был так раздосадован. Она сумела заткнуть меня за пояс. К тому же она права, я чертовски ревную из-за того, что она вчера клеилась к Патроклу. Более того, она вскружила ему голову.

Только вернувшись в свою комнату и захлопнув дверь между собой и остальным миром, могу признаться, что не

уверен, к кому испытываю большую ревность.

К Елене за то, что пыталась переспать с Патроклом?

Или к Патроклу за то, что ему выпала возможность затащить в постель прекрасную принцессу Олимпа?

Глава 8

Патрокл

Какой бы вариант развития событий я ни прокручивал, результат всегда выходит неоднозначным. Участие Елены Касиос в испытаниях все усложнило. Проблема не в том, что она грозный противник, хотя я не могу это исключить, несмотря на выдвинутые Ахиллесом предположения. Нет, проблема в том, что ее присутствие мешает другим пре-

тендентам. Ее появление может побудить их действовать непредсказуемо, и поэтому сейчас в моей голове царит хаос.

Парис уже выдал свои чувства к Елене из-за их общего прошлого. Не могу понять, означает ли это, что он попытается помочь ей, чтобы завоевать ее расположение, или делает все возможное, чтобы она выбыла как можно раньше.

Гектор, очевидно, испытывает чувство вины из-за того, как его брат обращался с ней, и если это чувство превзойдет его преданность Парису, возможно, это побудит его помочь ей.

Даже Ахиллес ведет себя странно, стал более вспыльчивым с тех пор, как я рассказал, что произошло у нас с Еленой прошлой ночью.

Если быть предельно честным, то я тоже не в порядке из-за ее присутствия. Не могу перестать рассматривать под разными углами неожиданное влечение к этой женщине, будто сосредоточенность на этих мыслях принесет ясность. Было бы проще, если бы меня привлекала только ее красота. В этом был бы смысл. К сожалению... все гораздо... запутаннее. Я ощущаю связь с ней из-за нашего общего прошлого, пусть даже давнего. Я ее хочу. Черт, я уважаю ее за то, что она вступила в состязание и взяла судьбу в свои руки, хотя и усложнила тем самым мою жизнь.

Меня к ней тянет. Это неприемлемо, нелогично, а из-за столкновения желаний следовать первоначальному плану или постучаться в ее дверь, лишь бы быть ближе к ней, хо-

чется кричать.

Я не тот, кто воюет с собой. Я планирую варианты развития событий. Использую логику и разум. Без эмоций тоже не обходится (я ведь человек, в конце концов), но они не управляют мной. Это делает мой мозг.

Делал до этого момента, когда я не могу позволить себе сбиться с курса.

От стука в дверь мое сердце начинает биться чаще, и я тихо ругаю себя за надежду, что это она. Конечно, не она. У Елены нет причин меня искать. Не считая прошлой ночи, мы не общались больше двадцати лет, да и тот разговор был продиктован обстоятельствами. Она попалась на том, что выдвинула свою кандидатуру, и хотела заставить меня молчать об этом. Наверняка она больше не думала об этом.

Стук раздается громче, и я узнаю в нем любимый способ Ахиллеса заявить, что он вот-вот войдет в комнату. Я подавляю вздох и открываю дверь, пока он не решил ее выбить. Он почти сбивает меня с ног, когда входит в комнату.

– Эта женщина представляет угрозу.

Я смотрю на него.

– Ты говорил с Еленой. – И почему я удивлен? Конечно, он при первом же удобном случае отступил от решения держаться от нее подальше. Ахиллес думает только о конечной цели, и ему не нравится, что Елена втыкает палки ему в колеса. Естественно, он решил выяснить, удастся ли ему уговорить ее отозвать свою кандидатуру. «Если бы дело было

только в этом...» Гоню мысль прочь. У меня нет причин сомневаться в нем. – Ты должен был сначала спросить меня. Она не изменит своего решения.

– Думал, что смогу отговорить ее.

Я шумно выдыхаю и иду на небольшую кухню, расположенную в пространстве гостиной. Готов поспорить, что все номера имеют одинаковую планировку, хотя придется посмотреть номер Ахиллеса, чтобы убедиться в этом. В гостиной небольшой диван, телевизор и кофейный столик. В дальнем углу маленькая кухня с раковиной, микроволновкой и мини-холодильником полным закусок. Короткий коридор ведет в спальню и ванную комнату с нелепой душевой кабиной и глубокой ванной.

Диван вполне крепкий. Я сажусь, не осторожничая.

– Я же тебе говорил.

– Черт возьми, мне не нужно, чтобы ты руководил мной, Патрокл. – Но Ахиллес идет за мной следом и с ворчанием садится рядом. – Она пострадает.

– Такое возможно.

– И тебя это не беспокоит?

Отвечаю ему многозначительным взглядом. Он прекрасно знает, что меня это беспокоит, но в этой ситуации должен поддерживать решимость Ахиллеса. Не могу позволить себе беспокоиться о Елене. Теперь она для меня не более чем незнакомка. Заботиться о ней странно, и неважно, что она красива и нас связывает прошлое.

– Очень сомневаюсь, что это случится. Новому Аресу придется отвечать перед Зевсом, и никто не захочет злить его, причинив вред его младшей сестре.

Ахиллес улавливает мои сомнения.

– Но?

– Но... – Мне не хочется вдаваться в подробности, но это беспокоило меня с тех пор, как претенденты выдвинули свои кандидатуры. – Но у нас мало информации о двух чужаках. Не могу исключать, что они опасны.

– Так или иначе, нам обоим нужно держаться подальше от Елены. Она под запретом. – Он внимательно смотрит на меня. – Договорились?

Иррациональная часть меня хочет возразить, но в этом нет смысла. У нас с Ахиллесом мало правил, поэтому, когда один из нас просит о чем-то подобном, для поддержания отношений важно уважать эту просьбу. Не помню, когда такое случалось в последний раз. Может, несколько лет назад, когда попросил Ахиллеса не бегать за Кассандрой. Хотя тогда действовал не из ревности. Просто заметил, как на нее смотрел Аполлон – и смотрит до сих пор, если судить по последней вечеринке, которую мы посетили. Никому не нужно, чтобы Аполлон объявил на них охоту.

Медленно киваю.

– Я уже согласился вчера. С тех пор ничего не изменилось. Елена под запретом.

– Хорошо. – Ахиллес потягивается, скидывает ботинки и

кладет ноги на журнальный столик. Замечает мой хмурый взгляд и смеется. – Мы же не дома. Кого волнует, что я положил ноги на стол?

– И все равно это неприлично.

– Расслабься, Патрокл. – Он подталкивает меня локтем. – Мы там, где должны быть. Все получится.

В ответ я хмурюсь сильнее.

– Не строй из себя ленивого бога, Ахиллес. Знаю, что тебя это беспокоит. – Пускай он надевает маску перед другими людьми, но со мной он так поступать не должен. – Нам нужно...

– Нам нужно расслабиться. – Он обхватывает меня рукой за шею и притягивает для поцелуя.

Поцелуй получается немного грубым, немного милым, в манере Ахиллеса. Меня так и подмывает продолжить спор, но он прав. Я буду лишь ходить по кругу. Иногда отключить мозг – правильное решение, да и до первого испытания мы ничего не можем предпринять. Так что...

– Патрокл. – Он покусывает мою нижнюю губу. – Ты все еще напряженно думаешь.

– Прости.

Он смеется.

– Хорошо, что я знаю пару трюков, которые помогут с этим. – Ахиллес встает и опускается на колени между моих ног. Места для нас двоих здесь мало, но не говорю ни слова, пока он расстегивает мне джинсы и стаскивает их с бедер.

Потом смотрит на меня с дьявольской ухмылкой. – Люблю, когда ты так на меня смотришь.

Одним богам известно, что сейчас происходит с выражением моего лица, но такие мгновения настолько приятны, что кажутся почти нереальными. Этот мужчина, этот золотой бог – мой, по крайней мере отчасти. Ахиллесу было предназначено судьбой стоять перед толпой вопящих людей, быть в центре их внимания, быть тем, кого обожают и о ком слагают легенды. Он невероятен, даже когда выполняет обычные задачи, которые требует от него Афина.

И сейчас, когда он стоит на коленях, сжав мой член в ладони, это кажется еще более верным. Я жду, что настанет день, когда он осознает это и оставит меня. Ахиллес всегда будет смотреть на звезды. А я? Твердо стою на земле. Представляется неизбежным, что однажды он оставит меня в прошлом, потому стараюсь ценить каждое мгновение, что у нас есть, запасая их, чтобы согреться в холодную зиму моего будущего, лишённого его сияющего тепла.

Он наклоняется, берет мой член в рот, и все мысли развеиваются под натиском удовольствия. Мы давно вместе. Точно знаем, какой нажим, какие прикосновения и поглаживания нужны другому, чтобы кончить как можно сильнее. Однако Ахиллес не спешит к этой цели, как вчера ночью. Его рот скользит по моему члену медленно и влажно, подсказывая, что он не намерен торопиться. Он может быть импульсивным, но когда фокусируется на задаче, становится поиско-

тине устрашающим.

Судя по всему, сегодня он решил сосредоточиться на моем удовольствии.

Я запускаю пальцы в его темные волосы, не пытаюсь направлять, мне просто хочется касаться его. Он дразнит меня, то беря меня глубоко в рот, то облизывая и щелкая языком. Вскоре мои ноги начинают дрожать, и я дергаю его за волосы.

– Ахиллес!

От его ленивой улыбки у меня щемит в груди. Такие мгновения совершенны. Слишком совершенны. Как не ждать неизбежных неприятностей? Он сжимает мой член и несколько раз медленно его поглаживает.

– Я отведу тебя в постель. Не сдерживайся.

В тумане желания постепенно зарождается понимание. Бросаю взгляд на стену... стену, за которой находится комната Елены.

– Хочешь, чтобы она услышала.

Он пожимает плечами, не раскаиваясь.

– Я все еще немного ревную.

Мысль, что Ахиллес к кому-то меня ревнует, кажется непостижимой. Быть может, я эгоистичный ублюдок, потому что мне это даже нравится. Я тяну его за волосы, но на этот раз нежнее.

– Не буду стараться вести себя тихо, но только от тебя зависит, стану ли шуметь.

Он улыбается, оправдывая мои ожидания.

– Вызов принят.

Он легко встает, хотя долго простоял на коленях, хватая меня за руку и заставляет подняться. Мы, спотыкаясь, плетемся по коридору, не прекращая целоваться и тереться друг о друга, как пара неуклюжих подростков, но едва оказываемся в спальне, он всецело сосредотачивается на мне. Ахиллес отталкивает мои руки, когда тянусь к рубашке.

– Дай я.

– Какой властный.

– Тебе это нравится. – Он снимает рубашку мне через голову и спускает штаны. А потом вскакивает на ноги и снова завладевает моими губами. Теперь в его прикосновениях нет нежности и мягкости. Ахиллес целует меня, словно завоеватель, и я охотно уступаю натиску его языка. Он раздевается, не прекращая поцелуи, и толкает меня к кровати.

Я пытаюсь отстраниться, чтобы насладиться видом, но он не позволяет. Снимает штаны и набрасывается на меня, прижимая к матрасу и устраиваясь сверху. Я выше, но он гораздо крупнее меня, и в такие моменты эта разница особенно заметна. Он водит ладонями по моим рукам и бокам.

– Больше не хочу ждать.

– Нетерпеливый.

– С тобой? Всегда.

Я тянусь и целую его. Иногда мне хочется медленного накала страстей, подготовки, которая порой необходима с та-

ким партнером, как Ахиллес, но сегодня я так же нетерпелив, как он.

– Да. Ты нужен мне сейчас же. Я не хочу ждать.

Он привстает, чтобы открыть прикроватную тумбочку. А я краснею, когда он смеется, потому что знаю, что он скажет. Я оказываюсь прав. Ахиллес качает головой.

– Мы пробыли здесь всего двадцать минут, а ты уже разложил вещи?

Он достает бутылку со смазкой и одаривает меня обжигающим взглядом.

– Да знаю.

С подскочившим сердцем наблюдаю, как он размазывает лубрикант по члену. Как и остальные части тела Ахиллеса, достоинство ему соразмерно... а это значит, что оно весьма солидное. Даже столько времени спустя я как в первый раз ощущаю минутное колебание и предвкушение, которое достигает новых высот, когда он начинает погружать член в мою задницу. С моих губ срывается грубый стон, и Ахиллес в ответ входит еще глубже.

– Хочу видеть, как ты кончишь себе на живот. Черт, обожаю, когда ты теряешь контроль.

Моя способность формулировать мысли исчезает. Остается одно желание. Я тянусь и целую его. Мне необходимо, чтобы он полностью меня поглотил. Не могу думать ни о чем, кроме того, как еще больше вобрать его в себя. Ахиллес, похоже, чувствует, чего я желаю, потому что входит в меня пол-

ностью и целует так, будто я нужен ему больше воздуха.

Чувствую то же самое.

Этого достаточно. Все безупречно. Мы можем навсегда зависнуть в этом моменте, в котором любовь и страсть сливаются воедино.

Но наше желание будет непросто удовлетворить. Он начинает совершать первые крошечные толчки, заставляя меня стонать и извиваться под ним. Мне хорошо, чертовски хорошо. Пытаюсь продержаться, продлить момент, но мне никогда не удавалось одержать победу в состязании с Ахиллесом. И сегодня не удастся.

Я сжимаю его бедро, из горла вырывается хриплый стон. Он ухмыляется.

– Еще.

Я в силах лишь подчиниться. От каждого толчка с моих губ срывается стон. Безумно хорошо, когда он так меня трахает, все его внимание сосредоточено на мне и только на мне. Каждый толчок выходит грубым и безупречно выверенным, чтобы заставить меня поджать пальцы на ногах и прогнать прочь оставшиеся в голове мысли. Мое тело выходит из-под контроля, и я кончаю себе на живот, повторяя его имя.

Ахиллес приподнимается на руках и увеличивает темп в погоне за собственным удовольствием. Он пожирает меня темным властным взглядом, который почти ощущаю на своем лице и там, где кожа покрыта моей спермой.

– Ты мой, Патрокл. – Он чертыхается, сбиваясь с ритма. –

А я твой. Скажи это.

– Я твой, – выдыхаю. Затем тянусь и хватаю его за бедра, поощряя войти глубже. – А ты мой. – По крайней мере сейчас.

Глава 9

Елена

Я еще не ласкаю себя, слушая, как Ахиллес трахает Патрокла... но близка к этому.

Ритмичные удары изголовья кровати о стену, перемежаемые тихими стонами, и голос Патрокла, который почти выкрикивает имя Ахиллеса, здорово мешают мне заснуть. Я лежу в постели и стараюсь не представлять, как они этим за-

нимаются. Они оба слишком привлекательны, и меня сильно тянет к ним. Если бы мы не состязались за титул, я бы, возможно, приложила чуть больше усилий, чтобы соблазнить одного или другого... или обоих.

Переспать с одним из них было бы неплохо, но, уверена, ночь, проведенная в постели с обоими, оказалась бы невероятной.

Я переворачиваюсь и бью кулаком в подушку. Желание, которое испытываю к ним обоим, возможно, настоящее (и неуместное), но во мне говорит безрассудство. Я всю жизнь старательно прятала свою уязвимость, чтобы никто не смог ее увидеть, задеть и причинить мне боль. Стоит ли удивляться, что время от времени все это вырывается наружу и поглощает меня? Что порой жить в этой оболочке становится невыносимо и мне нужна отдушина?

Было время, когда я выбирала более саморазрушительные методы, чем секс, чтобы ослабить это давление. Мне не нравится об этом думать, но не могу сказать, что мне были доступны здоровые способы примириться с жизнью в доме Зевса. Только когда стала тайно ходить к психотерапевту в двадцать лет, начала контролировать свои худшие порывы. Мой терапевт не в восторге от того, что я использую секс, чтобы утолить это стремление, но мы пришли к компромиссу. Я всегда предохраняюсь и осторожно выбираю тех, с кем сплю, даже когда делаю то, что делать не стоило бы. Похоже на бессмыслицу, но это работает.

Переспать с Ахиллесом или Патроклом (или обоими) опасно. Да, я хочу их, но в то же время хочу выбросить Ахиллеса из окна. Но Патрокл правильно сделал, когда отказал мне той ночью. Не говоря уже... Боги, я ведь теперь совсем не знаю его. Почти. И точно не знаю Ахиллеса. Они могут быть такими же чудовищами, как Парис, а я не видела его истинного лица, пока не стало слишком поздно, чтобы легко сбежать. Секс даже с самым эмоционально недоступным человеком все усложняет. А секс с двумя мужчинами, которые хотят того же, что и я, и которые не задумываясь разрушат мои мечты?..

Я не настолько стремлюсь к саморазрушению.

Разумеется.

Кровать снова начинает стучать о стену.

– Да вы шутите? – Мне точно не заснуть. Можно не пытаться. В другой ситуации высоко бы оценила их выносливость, но я устала, переполнена эмоциями, и слушая, как из Патрокла выбивают весь дух, начинаю раздражаться и завидовать.

Я со вздохом встаю с кровати. Возможно, диван удобнее, чем кажется. До первого состязания осталось мало времени, и мне нужно выспаться и быть морально готовой. В конце концов, это то, чего я хочу. Но когда пытаюсь собраться с мыслями, они рассыпаются, словно стеклянные шарики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.